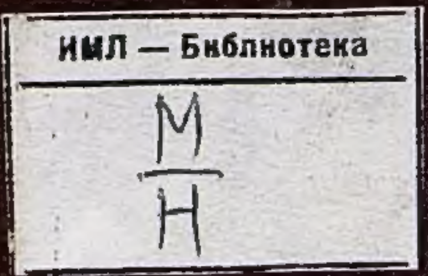
Наумов И.К.

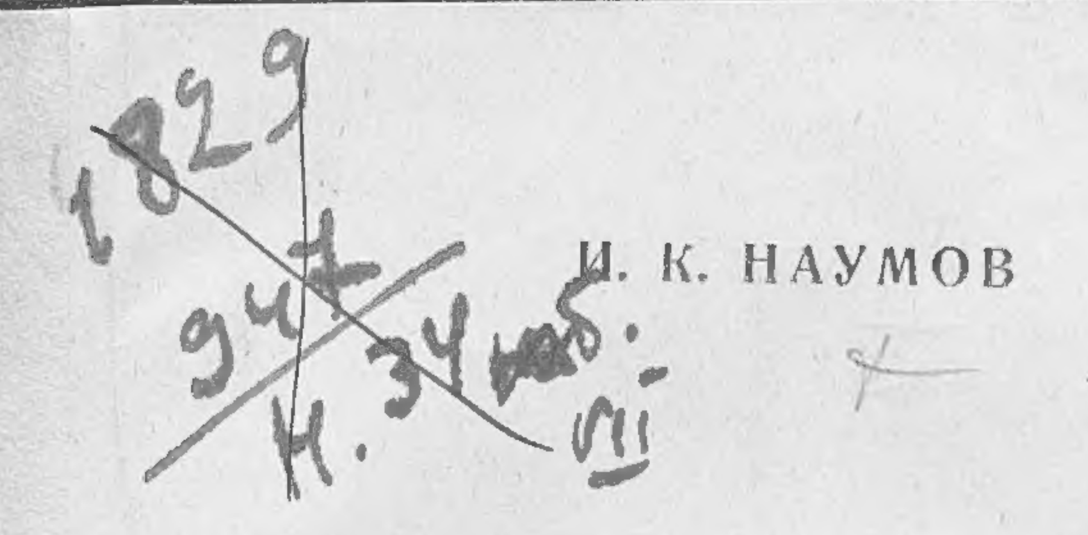
В дни Октября

И. К. НАУМОВ

ДНИ ОКТЯБРЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД 1924

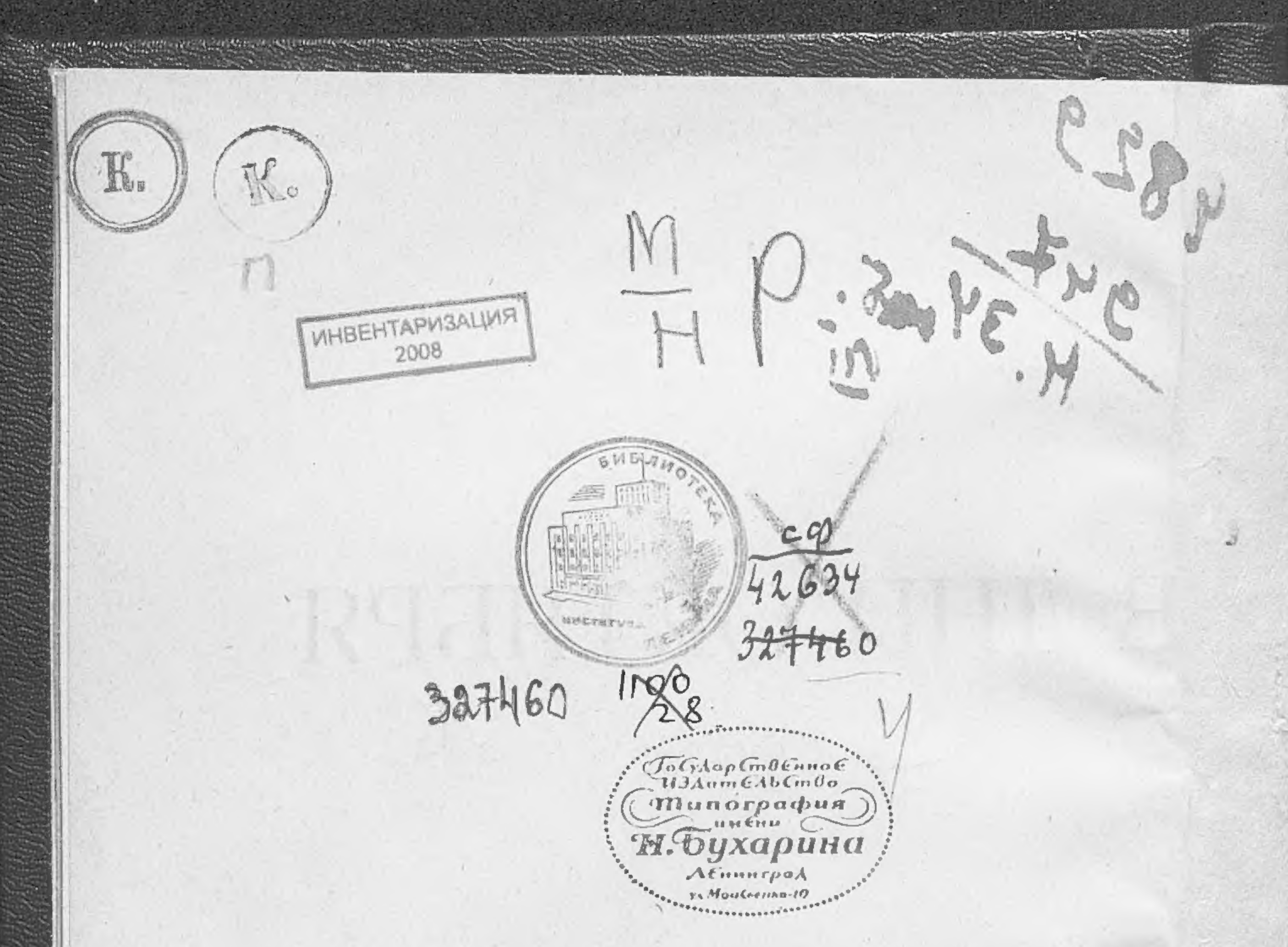

И. К. НАУМОВ

В ДНИ ОКТЯБРЯ

(ОЧЕРК)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД
1924

Гиз. № 1(422   10.000 экз.   Ленинградский Гублит № 15927

Рабочим Выборгской стороны, — авангарду в борьбе с буржуазией, неизменным сподвижникам партии большевиков, — посвящаю.

Автор.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.

На-днях я встретил своего старого друга, выборгского рабочего Ударова. Обрадовались мы так бурно, что удивленные прохожие, поровнявшись с нами, невольно замедляли шаги.

— Жив!? Леня!? Откуда?! — воскликнул я.

— Здравствуй! Ты здесь? — еще громче приветствовал меня Ударов. — Вот хорошо! Ведь шесть лет, как я уехал. Ну, как в Питере?

— Отлично, как видишь. Да ты-то откуда?

— Ой, брат, издалека, из Сибири. Все равно, что с того света!..

Ударов вдруг оборвал, схватил меня за руки и, с огоньком радости в глазах, уставился в меня. Я не менее пристально смотрел на него, и только минуты через две мы овладели собою. Хотелось обо всем расспросить, обо всем рассказать.

Пошли. Рассказываем, торопимся, друг друга перебиваем, перескакиваем с предмета на предмет.

Оказывается, так много нами пережито, так много событий прошло перед нашими глазами,

столько у нас новых, больших достижений, что всего сразу не расскажешь, не охватишь одним взглядом.

Мы долго ходили по улицам, зашли ко мне домой, просидели до полуночи, рассказывали, расспрашивали друг друга, делились впечатлениями, а всех тем так и не исчерпали.

Эта встреча и беседа с моим другом с необычайной ясностью показала мне, как далеко ушли мы вперед от нашей Октябрьской победы. За семь лет пролетарская революция расширилась и углубилась, достигнув небывалых высот. Как ни странно, но уже стирается в памяти даже такое великое событие, как Октябрь семнадцатого года.

В голову мне пришло такое сравнение: в течение семи лет, устремив свои взоры вдаль, мы поднимались все выше и выше, точно на крутую гору взбирались, только минутами, изредка оглядываясь назад, чтобы не потерять курса. А вот теперь, если бы кто-нибудь из участников Великой Революции остановился на минуту и сосредоточенно, пристально вгляделся бы в прошлое, то, именно, как с высокой горы, уже неясно, как в тумане, дымкой дали подернутым, предстало бы перед ним многое, в том числе и такое величайшее событие, как Октябрьский переворот. Какое же представление должны иметь об этой эпохе те, кто в событиях того времени не принимал участия: наша

молодежь, рабочие других стран, угнетенные массы всего мира?

А тут еще некоторые товарищи неправильно освещают события того времени, искажают позицию отдельных руководящих членов партии большевиков.

Встреча с моим другом была последним толчком, заставившим меня взяться за перо, не отговариваясь на этот раз тем, что я не могу с достаточной полнотой и яркостью осветить Октябрьские события.

Вот первое, что я хотел сказать в моем предисловии.

Второе: как велики по мощи и силе своей и по значению своему были Октябрьские дни, теперь, семь лет спустя, узрели даже и такие слепые и тупые люди, как Савинков, некоторые меньшевики и эс-эры. Поняли это теперь и люди с такими заплесневелыми мозгами, как некоторые «умные» академики и профессора, отошедшие в свое время от нас. Вот почему осветить Октябрьские события полностью и всесторонне нельзя, не под силу одному человеку.

Но как и из чего сложилось недосягаемое величие Октябрьского переворота?

Из смелости, организованности, героизма и мудрости рабочего класса, проявленных через его авангард и лучших представителей этого авангарда.

Сотни, тысячи лучших пролетариев вынесли, бросили силы свои на чашу весов 25-го Октября 1917 года. Из этих тысяч получился такой груз, что чаша весов истории перетянула в сторону победы пролетариата над буржуазией.

Задачей своей я ставлю изобразить переживания одного из участников Октябрьских событий (одной из маленьких гирек, решивших судьбу Октябрьской Революции), — человека, которого я знаю близко, переживания которого сердцем своим я сам переживал, — и так именно я и прошу рассматривать мой очерк.

И. Наумов.

15 октября 1924 г.
Ленинград.

1. БУРЯ НАРАСТАЕТ.

Осень в Питере. Грязь непролазная. Небо мутное. Дождь моросит непрерывно.

Рабочий Ударов, шлепая по грязи и кутаясь в легкое пальтишко, пробирался к остановке трамвая в Лесном. На сердце у него было так же пасмурно, как и кругом в этот осенний день. Дома — острая нужда. Жена больна, мальчишку надо посылать в школу, а ни у той, ни у другого нет крепкой обуви. А тут еще и с заработком скверно. Вот уже две недели, как он не работает, — некогда, — и последняя получка была по «цеху» [1].

— Не работал?!... Мысли Ударова направились в другую сторону. Вспомнилось ему вчерашнее собрание, последние постановления, и он стал думать

[1]) Квалифицированные рабочие работают сдельно, но в их книжках записывается обязательная ставка по тому цеху, в котором они числятся. Ставка эта ничтожна, и рабочие ею мало интересуются. Но если ко времени получки окажется, что рабочий не выполнил положенной нормы, то в конторе ему выписывают зарплату по «цеху».

о том, что ждет его сейчас в завкоме. Жена, обувь, получка, — все это как-то затуманилось, отошло куда-то в сторону. Задумавшись шел он, такой маленький, невзрачный, с развевавшимися из-под кожаного картуза белесыми волосами.

«Не собрать им большинства, — думал он. — Литейная пойдет за нами; во второй механической, правда, много меньшевиков, да все дрянь; в мелко-токарной я и один справлюсь...»

— Здорово! К трамваю, что ли?

— Да. Идем вместе, — недовольно бросил Ударов.

Окликнувший Ударова был рабочий того же завода. Одетый совсем легко, да еще нараспашку, шел он быстро, весело, увлекая Ударова за собою.

— Ну, как дела-то? Неужто нас эвакуируют на юг? К чорту! Не сдавай, ребята, — тараторил рабочий.

— Напирают, брат. К топливу, говорят, ближе. Завком-то держится, да меньшевики наши пасуют, — сволочи! А у вас, в мастерской, например, их не мало...

— Брось! Кто их слушает?..

Подошли к остановке. У трамвая — толпа ожидающих. Здороваются. К Ударову подходит сосед по квартире.

— Здорово, Лексей. Как же мы сделаем насчет дровец? Давай, купим вместе, заодно.

Ударова вновь кольнуло в сердце: жена, мальчишка, нет денег. Он молчал.

— А если запоздаем, дороже будет. Сам посуди, и так голодаем. Знаешь, моя старуха вчера хлеба так и не достала. Хорошо, что твоя Марья дала с полфунта... да и нельзя потом будет перевезти...

— Хорошо... мы завтра... Да вот и трамвай,— оборвал разговор Ударов.

— Вот жизнь-то, — почти вслух сорвалось у него, когда он взобрался в вагон. Настроение его раздваивалось: тяжело отзывалась на настроении Ударова нужда, в которой жила его семья. С другой же стороны, его захватывала политическая борьба, разгоравшаяся на заводе. Днем, окунаясь с головой в текущие события, Ударов забывал свою безысходную нужду, вернее, как-то иначе чувствовал ее, а попадая домой, он становился беспомощным, не знал, что сказать, и больно, больно чувствовал, что жена его, действительно, бьется, как рыба об лед.

Встреча с товарищем-рабочим уже почти вернула Ударова к интересам завода, к злобам текущего дня, к предстоящей борьбе, и он почувствовал, как к нему возвращается бодрость и энергия. Но после разговора с соседом опять заныло на сердце.

— Убирайся ты к чорту, с твоей обороной революции! —донеслось до слуха Ударова. — За

что они воюют?.. Пусть опубликуют тайные договоры. А... Слабо! Слыхали, слыхали о ваших отговорках, — мол, немцы узнают.

— Да ты не перебивай, — слышался другой голос, — пойми, что если немцы придут, так Николая опять посадят на трон...

— И придут, — опять закричал первый: — вы только поддерживаете ваших соглашателей, а их генералы Питер сдадут за милую душу, они этого и хотят... они...

— Это — демагогия...

— А сдача Риги? А вывод войск из Питера? А разговоры о переводе в Москву правительства? А эвакуация заводов? Это, по-твоему, не предательство Питера? Де-ма-го-гия-я...

— Правильно! Правильно! — послышалось кругом.

— Околпачивают они нас, чем дальше, тем больше, — шумел кто-то еще, — доведут, сволочи, до того, что подыхать придется.

— А большевики, думаешь, помогут?

— Посмотрим, брат. Много зависит и от нас самих.

Ударов чувствовал себя, как на иголках. Ему хотелось крикнуть через весь вагон, что эс-эр этот, как попугай, только повторяет то, что слышал от своих лидеров. Товарищи же правильно думают: пора действовать.

— Чего смотреть-то: районная дума теперь из большевиков, а что они сделали? — не унимался эс-эр.

— А кто ее саботирует!?. — прогремел вопрос.

Эс-эр оробел, что-то промямлил.

— Что, прикусил язык? Буржуям у вас поддержка, а районным думам — фига! «Защитники»!..

— Эй, спорщики! Слезать надо, пропустите...

Кучей повалили рабочие из трамвая. Спор продолжался и на улице; до самого завода шли они, не переставая пререкаться.

* *
*

Ударов быстро разделся, повесил пальто на гвоздь, надел блузу и, не приступая к работе, направился в завком.

Завком помещался в одной комнате. Было тесно, накурено, в углу стучала машинка, и тут же человек тринадцать шумно заседали.

— ... Я ответил, — говорил председатель, покрывая шум, — мы, дескать, принципиально-то не возражаем...

— Как, не возражаем?.. — закричали кругом, — кто тебе дал право так говорить?!.

— Тише. Погодите... Не возражаем, говорю, а требуем гарантии, чтобы рабочие не пострадали, чтобы от нас была послана делегация на юг, озна-

комиться с положением на месте, и только тогда мы дадим окончательный ответ...

— Неправильная, Григорьев, твоя точка зрения,— шумели товарищи.

— Так вот и обсудим: чего шуметь-то? Степанов, тебе слово.

— Да ну его к чорту! Известно, что меньшевики говорят!..— запротестовало собрание.

— Тише! тише! Нельзя же, он такой же член завкома, как и мы. Тише!

— Мы считаем безответственным поведение тех, кто отказывается принципиально говорить о переводе завода,— начал Степанов.

— И говорите, а мы не желаем слушать,— бросил кто-то.

— Да, безответственным; и мы настаиваем на выборе уполномоченных, которых пошлем в правление для переговоров...

— Дай мне слово,— крикнул Ударов.

— Хорошо, говори.

— Товарищи, Григорьев сделал ошибку; он не понял главного,— резко заговорил Ударов.— Мы против эвакуации заводов, именно, по принципиальным соображениям. Правительство хочет ослабить Питер, хочет разбросать пролетариат в разные стороны, а мы этого допустить не можем. Помните, после третьего-пятого июля нас хотели принудить к эвакуации части завода, но мы отстояли. А теперь,

когда назревают новые события, они вновь пытаются это провести. Как Григорьев этого не видит? Он вчера не попал на районное собрание и поэтому не знает, что сейчас не этим надо заниматься. Сейчас надо все внимание сосредоточить на организации наших сил, надо усилить отряды Красной Гвардии, надо господ эс-эров и меньшевиков окончательно добить, надо проверить настроение рабочих, — вот чем надо заняться завкому, а не болтовней с директором о переводе завода.

Завкомовцы притихли, с интересом ловя каждое слово Ударова. А он говорил о предательстве правительства, о возможной сдаче Питера, о том, что вчера в Совете, при голосовании, большинство оказалось за большевиками, что продовольствия в Питере остается на 3—4 дня, что на фронте солдаты дальше воевать не хотят, что крестьянство также против правительства.

— Видите, товарищи, — закончил Ударов, — как важно такой момент использовать для того, чтобы свергнуть буржуазию, чтобы власть передать Советам.

После речи Ударова заседание еще больше оживилось. Выступали поочередно все, и почти все соглашались с Ударовым.

В заключение Григорьев сказал:

— Товарищи, раз такое теперь время, я прошу избрать председателем завкома Ударова; я, знаете,

больше по боевой части, пойду в отряд Красной Гвардии, и для меня, и для всех так будет лучше.

— Это правильно, — отозвались присутствующие. — Для Гвардии лучше тебя нет, а Ударов политик: его не проведешь.

Так Ударов, совершенно для него неожиданно, оказался во главе организации Н-ского завода. И уж под его председательством завком постановил:

1) ответить заводоуправлению, что завком считает недопустимым ослабление завода путем перевода его на юг и от дальнейших переговоров отказывается;

2) чтобы разобраться в текущем моменте, созвать после работы общее собрание и вызвать докладчика из центра;

3) среди записавшихся в Красную Гвардию вести занятия, для чего они должны кончать работу на полчаса раньше. Произвести учет имеющемуся оружию.

После заседания Ударов задержал одного товарища и послал его в райком партии.

— Ты там обо всем расскажи; докладчика пусть пришлют получше, да и директивы пусть дадут.

* * *

Пока шло заседание, в коридоре собралась масса народу с разными делами к завкому.

Первой вошла пожилая работница и начала жаловаться на мастера.

— Это что же такое? Теперь не старое время, а он, как жеребец, только увивается за молоденькими девчонками; им выбирает работу почище, а нас замучил...

— Погоди, о ком ты говоришь? — перебил Ударов, — и чем тебя обижают?

— Да как же! Афанасьев, наш мастер, замучил совсем меня и Авдотью, а других работать не заставляет.

— Ладно, ладно, это я выясню.

— Конечно, пусть шашни крутит на улице, — продолжала говорить, уходя, работница, — а в заводе все равны.

Вслед за работницей вошел рабочий. Есть такие рабочие, внешний вид которых как-то говорит об их недюжинном развитии и сознательности.

— Я за советом, товарищ, — начал он. — В доме у нас непорядки. Рабочие живут в таком сыром подвале, что ребятишки болеют; а в верхней квартире офицерша одна занимает пять комнат; в другой — какой-то адвокат с женой занимают целых семь комнат. Ну, мы подняли скандал: уплотнитесь, дескать, хоть немножко, а они над нами издеваются. Мы обратились в милицию; милиция за них. Разве это правильно?

— Конечно, нет; только сделать пока ничего нельзя. — Ударов помолчал и потом добавил: — погоди, брат, сбросим мы их, и тогда ты и комиссара милиции, и квартирантов этих притянешь к ответу.

Рабочий пристально посмотрел на Ударова, постоял с полминуты молча и потом серьезно сказал:

— Понимаю.

Рабочие, сначала входившие по одному, теперь кучкой, человек в десять, скопились у стола. Один просит удостоверение, чтобы послать в деревню; там, якобы, идет надел землей, а его семье не дают. Сосед его шумит об отсрочке для явки на военную службу. Перебивая всех, какая-то работница кричит о мародерстве торговцев:

— У меня ребенок больной, а они, сволочи, на молоко накинули; где же мне найти управу?

Старик-слесарь, стараясь всех перекричать, протестует против расценки на ремонтные работы. Застенчивый юноша, почему-то покраснев до ушей, просит удостоверение для поступления на вечерние курсы. Другой, волнуясь, просит записать его в партию и горячо доказывает, что он этого достоин. Тут же записываются в отряд Красной Гвардии.

Шум, гам, неразбериха... Ударов давно уже вышел из-за стола, отвечает на десятки вопросов.

разъясняет, объясняет. На помощь ему подошел другой член завкома. До самого обеда продолжался «прием». И все же, несмотря на сутолоку, работа кипела: выдавались удостоверения, писались бумажки, зачислялись в отряд Красной Гвардии, записывались в партию большевиков.

* *
*

Во время обеденного перерыва Ударов пошел в мастерскую. Надо было сдать инструменты, взять одежду, сказать мастеру, что он теперь работать не будет.

Моторы в мастерской были остановлены. Прежде, в этот час, в мастерских бывало тихо, а сейчас — говор, споры слышались со всех сторон. Рабочих волновали события дня. Настроение было приподнятое. Оживление чувствовалось всюду.

* *
*

Кто бывал на заводских рабочих собраниях того времени, тот вряд ли когда-нибудь забудет неизгладимое впечатление, которое они производили.

Таким было и это собрание. Народу собралось тысячи четыре. Кругом — машины, станки, верстаки. Трибуна — из промасленных грубых досок; также настил на станках. Глянешь с трибуны, — перед тобой не чинно сидящая аудитория, не смиренные слушатели, а волнующиеся,

активные участники собрания. Расположились как попало: одни сидят, другие устроились полулежа, многие стоят, и даже в несколько ярусов: на каждом уступе станка, на каждой вышке виднеются кучки рабочих. Впечатление получается такое, как будто огромная мастерская переполнена до потолка.

Собрание еще не началось; как в колоссальном улье, стоит сплошной гул.

— Идут, идут! — пронеслось среди присутствующих. И действительно, на трибуну взошел Ударов и с ним двое чужих. Рабочие задвигались, заговорили, зашумели, подались, кто мог, ближе к трибуне, но моментально смолкли, как только Ударов объявил собрание открытым и предложил избрать председателя.

— Ударов, Петров, Красильников, Авдеев, — начали выкрикивать тысячи голосов. — Ударов, Красильников, Григорьев.

Галдели минуты две. Наконец выбрали Ударова. Решили обсуждать два вопроса: о текущем моменте и о тарифе.

Докладчиком выступил совсем молодой, лет 23-х, рабочий с одного из самых больших заводов Выборгской стороны; он же — член Петербургского К-та большевиков. Оратор говорил увлекательно и через каких-нибудь пять минут овладел вниманием всего собрания.

— Нашу партию пытались опорочить, — звенел под сводами мастерской молодой голос докладчика. — Вождей наших засадили в тюрьмы; бесконтрольно обделывает правительство Керенского свои дела. Но эти господа забыли, что есть рабочий класс, которого нельзя долго обманывать. Есть крестьяне, которые не могут вечно терпеть издевательства над ними. Есть армия, которая не хочет дальше проливать свою кровь за интересы буржуазии.

— Увлекшись мимолетным успехом, эс-эры и меньшевики отвернулись от тех, кто вынес их на вершину власти: они забыли о рабочих и крестьянах. Все свое внимание эти господа сосредоточили на переговорах с Кишкиными и Бурышкиными, с Корниловыми и Алексеевыми. Им нужно, как они говорят, объединить «все живые силы страны», а в силы рабочих, в силы солдат — эти господа никогда не верили, не верят и сейчас. Так мы им покажем, где настоящая сила.

Бурными аплодисментами, долго несмолкавшими криками «браво!» наградила аудитория оратора.

— Товарищи! Всему есть предел, есть предел и нашему терпению. И он настал! Как мы живем? Полуголодное существование стало обычным и повседневным явлением в наших семьях. Недостаточность заработка у всех. Но это полбеды; нам к этому не привыкать. Нас больше интересует, что ждет нас завтра, есть ли какой-либо

просвет впереди? И вот, беда-то вся в том, что просвета впереди нет. Нас ждут новые беды. Нам угрожает полное расстройство заводов, их хотят перевести, значит — будет безработица. Впереди нас ждет измена правительства: я головой ручаюсь, что Питер сдадут; чем объяснить иначе сегодняшние сообщения газет о предположении правительства переехать в Москву? Войне конца не видно, и солдат вновь хотят продержать всю зиму в окопах. Я спрашиваю тех из вас, у кого братья, мужья, отцы на фронте, допустите ли вы, чтобы наших братьев-солдат оставили без теплого обмундирования замерзать на фронте в угоду буржуям? Мы, большевики, считаем, что это недопустимо. Если буржуям хочется воевать, пусть Керенский их самих погонит в окопы.

Новый взрыв аплодисментов, еще громче восторженное «браво».

Рабочие точно наэлектризовались. Глаза у всех загорелись, блестели.

— Нас обнадеживают Учредительным Собранием. Говорят, оно все решит. Да кто же отсрочивает его из месяца в месяц? Кто созывает то демократическое совещание, то предпарламенты или, как мы их называем, «предбанники»? — (Послышался смех.) — Кто? Все эти же господа, — меньшевики и эс-эры. Они обманывают нас кругом. Вот что нас ждет.

Оратор начал излагать позицию большевиков.

— Немедленное заключение мира. Раздача земли крестьянам — немедленно. Введение рабочего контроля над производством — немедленно, — отчеканивал оратор и страстно закончил:

— Испробовано все. Все пути изведаны. Враги сбрасывают маски. Революция на краю гибели... Товарищи, Власть Советов — одно наше спасенье. Свержение буржуазии — один выход. И мы говорим: долой капиталистов, долой соглашателей. Вся власть Советам рабочих, солдатских, крестьянских и батрацких депутатов!!!

Оратор кончил. Аудитория на мгновение как будто замерла в глубокой тишине. Но вот, как из одной груди, прорвались бурные возгласы одобрения и оглушительные аплодисменты потрясли воздух.

Слово взял эс-эр. На вид солидный, в пенснэ...

— Доло-ой! — загудели рабочие. — К буржуям катись... Доло-о-ой!.. — и озлобление слышалось в криках.

Ударов успокоил собрание. Дал слово эс-эру, но как только оратор произнес:

— Предпарламент выведет страну из тупика, а большевики хотят устроить бунт... — рабочие заревели, как исступленные. Поднялся неописуемый шум. Эс-эру говорить не дали.

На эстраду взошел меньшевик. Это был рабочий, и, хотя аудитория продолжала неодобрительно шуметь, говорить ему все же дали.

Издалека, ругая правительство, осуждая войну, начал свою речь меньшевик. Рабочие молча слушали, закуривали и, видимо, ждали, что дальше будет, а он тянул, мямлил...

— К делу! К делу! — послышалось из задних рядов.

— Нечего рассусоливать! — присоединилось еще несколько голосов.

— Что предлагаешь? — закричали другие.

— Мы предлагаем ускорить созыв Учредительного Собрания, а не звать...

— Кому предлагаешь?

— Кому? Правительству...

— Дурак! — бросил кто-то не громко, но внятно.

— Ха-ха-ха!.. Правильно! — загудели кругом.

Меньшевик почувствовал, что пора кончать, и сошел с трибуны, не вызвав ни единого хлопка.

Слово взял Григорьев.

— Товарищи! — кричал, а не говорил он. — Нам мало одних разговоров. Надо увеличить наш отряд. Кто был на военной службе, да и прочие, записывайтесь в Красную Гвардию. Можно прямо в завкоме. Мы им, буржуям, покажем. Я кончил.

— Браво, браво! Вот это так! — послышалось в ответ.

Собрание затянулось. Выступило еще человек семь, но никто из слушателей не уходил, за исключением небольшой группы женщин, которым необходимо было торопиться домой, где их ждала стряпня.

Резолюция была принята боевая. Постановили, как один человек, выступить за власть Советов.

Второй вопрос перенесли на другой день.

* * *

Только сейчас Ударов почувствовал, что он чертовски устал и голоден. Но настроение у него было прекрасное: он весь горел, был оживлен и чувствовал в себе такой прилив сил, что, не моргнув глазом, бросился бы на отряд контр-революционеров, если б ему это сейчас предложили.

Домой Ударов не пошел и просил своего соседа об этом сказать жене. Из мастерской он прямо направился в завком. В завкоме, несмотря на позднее время, сидело несколько человек, а в углу коридора Григорьев с одним рабочим разбирали «Максима».

— Ребята, — сказал Ударов, — нельзя ли чего-нибудь поесть и чаю выпить?

— Вмиг сварганим, — отозвался молодой парнишка. — Чай есть, сахару достанем, хлеб я знаю где найти и даже пару селедок приволоку. А папирос надо?..

Собрали деньжат, нарядили парня за едой; другой пошел в мастерскую за кипятком.

Ударов занялся разбором присланной из райкома литературы. Отобрал брошюрки, некоторые даже перелистал, рассортировал листовки, а потом, пока не принесли чаю, занялся чтением газет.

За чаем товарищ Григорьев рассказывал о фронте, откуда он недавно вернулся.

— Скверная вещь — война; как-то забываешь, что и ты — человек. Чего не испытал?! Хотя ладно: злей народ будет, чорт возьми.

Заглянул дежурный монтёр:

— В мастерской все в порядке; зашел к вам узнать, как дела? Здравствуйте!

— Хороши дела. Драться будем, — отозвался Григорьев.

— Да, а как у нас связь с гарнизоном? Сколько уже членов в партии? Ты не знаешь, Ударов?

— С гарнизоном связь хорошая, — я это слышал в райкоме, — и настроение у гарнизона крепкое, а то зачем бы правительство стремилось его вывести?.. В партии, ребята, тысяч до сорока, по одному Питеру. У нас, на Выборгской, — тысяч семь, за Невской заставой — несколько больше, на Васильевском острове — около семи. Есть кому начать драку, — говорил Ударов, прихлебывая чай.

— А как в провинции?

— Там слабее. В Москве не плохо, на Урале тоже, потом идет, кажется, Баку. В других местах слабо, но это не беда.

— Деревня не подвела бы, — заметил кто-то.

— Казалось бы, не должна. Кто сейчас в деревне-то остался? — стар да мал. Все на фронте, а фронт за нас.

Наступило молчание. Каждый как будто про себя подсчитывал силы.

— Где Ленин, интересно?.. — спросил молодой рабочий.

— Не знаю, — ответил Ударов, — но связь-то с ним, наверное, есть, пишет же он в газетах.

— Как, пишет!? — встрепенулись все.

— Конечно, — засмеялся Ударов, — а Карпов? Это и есть его подпись.

— Ну?! Вот так здорово, — обрадовались товарищи.

Разговор затянулся далеко за полночь. Григорьев и молодой парень ушли домой. Ушел монтёр и другие. Ударов и дежурный член завкома остались и начали устраивать себе ночлег на столах. Положили под голову литературу, закурили и смолкли.

* *
*

С утра завком опять заседал. Рабочие по мастерским шумно делились впечатлениями вче-

рашнего собрания; настроение у всех было повышенное.

— Я чуть морду не разбил одному буржую, — рассказывал спокойный на вид рабочий. «Надо, — говорит он, — скрутить демократию, а то рабочие обнаглели. Чем большевики сильны? Только нашей нерешительностью. Что делает Керенский? Он только болтает, а нам нужен человек дела́!» Я его спрашиваю: а какого это дела? Он посмотрел на меня, да и говорит: «военного...».

— Вот куда они гнут! Сволочи!

В другом углу разговор на иную тему:

— Да что!.. У меня вчера шурин с фронта приехал и прямо говорит — измена. Ригу ведь сдали умышленно. Так пойдет, и Питер сдадут. Солдаты разуты, продовольствия не хватает. Разве так можно воевать!?

Мастера ходят вялые, а инженер быстро пробежал через мастерскую к себе в контору и больше не показывается.

После заседания завкома Ударов обошел мастерские. Походив так с час, он убедился, что настроение рабочих напоминает пороховой погреб: брось искорку — и взорвется.

— Надо сходить самому в райком, — решил он.

* *
*

На улицах оживление было сильнее обычного. Прохожие шли, шумно разговаривая; газеты брались нарасхват, тут же разворачивались и читались; очереди около газетчиков походили на маленькие митинги; всюду шли горячие споры. Проходя мимо одной очереди, Ударов услышал громкий возглас: «Перебить надо всех буржуев!». Это выкрикнула какая-то бедно одетая женщина.

* * *

В районном комитете, несмотря на ранний час, также царило большое оживление. По узкой и грязной лестнице народ сновал вверх и вниз; одни шли с газетами, другие с литературой; шли подвое, разговаривая; шли, молча, водиночку.

В комнатах райкома — теснота, беспорядок. Всюду навалены газеты, листовки, брошюрки. Накурено до синевы. Разговоры шумные, в повышенном тоне.

Ударов пробрался сквозь толпу прямо в боковую комнату, — к секретарю. Здесь было тише и больше порядка, несмотря на сборную убогую мебель: поломанный стол, диван с дырой, из которой выбился волос, кожаное кресло рядом с кухонной табуреткой, разнокалиберные стулья.

За столом сидит «Дядя» и секретарь — Женя. «Дядя» — высокий, здоровый мужчина, с большой бородой, сидел в пальто и что-то писал. Женя,

девушка лет 25-ти, в очках, перелистывала какие-то бумажки.

— Можно? — спросил Ударов.

— Конечно, конечно! — последовал ответ. — Ну, расскажи, как у вас дела? Правда ли, что очень хороши?

Ударов рассказал все подробно. Ответил на посыпавшиеся вопросы, сам многое расспросил.

— Это очень хорошо! И как кстати.

— Ну, а я побегу! Ударыч, действуй, брат! — похлопал его по плечу Дядя.

Он направился к двери, но остановился и опять повторил:

— А действительно хорошо! Нарастает буря! Нарастает в рабочих низинах дружно и повсеместно. Женя, ты расскажи-ка ему о письмах Ильича; они действительно ко времени!

Женя спрятала бумаги в стол.

— Слушай, Ударыч, — но об этом пока молчок, — начала она, машинально, привычным движением поправляя очки.

— Недавно получили мы от Ильича для передачи в Цека письмо. Ведь с Ильичем мы держим связь; он спрятался отсюда недалеко. Письмо мы прочли и так и ахнули. Оказывается, Ленин давно уже ставит перед Цека вопрос о восстании. Мы подняли шум, начали нажимать. Пека почти единогласно стал на позицию Ильича и попросил Цека изложить свою точку зрения.

— Вскоре выяснилось, что и большинство Центрального Комитета за восстание. Дело закипело. Активные работники тоже высказались по этому вопросу. Голоса разбились так: примерно, три четверти за немедленное восстание, несколько человек против этого, считая, что данный момент для восстания неприемлем, а остальные тоже — за восстание, но не сейчас; говорят, что сейчас мы к восстанию еще не подготовлены.

— Чего готовиться!?—перебил Ударов,—давай, поведем их к нам на завод, — увидят, что дальше ждать нечего.

— Погоди. Так вот, на-днях этот вопрос будет обсуждаться по районам на партийных собраниях. Ты имей это в виду, а пока веди свою линию и действуй во-всю.

— Хорошо. А как в других районах относятся к выступлению?

— Все райкомы — «за», и всюду идет подготовительная работа.

— Здорово! А снаружи ничего и незаметно!

— И ладно. Теперь надо и у вас учредить дежурство в течение круглых суток. Проверьте телефонную связь. Свяжитесь с соседними заводами. Охрану также проверьте. Лучше бы на ночь оставлять несколько красногвардейцев.

— Будет все сделано! Ты вот скажи мне, как с воинскими частями? Что на фронте? Как в про-

винции? Какие виды на продовольствие? — начал закидывать вопросами Ударов.

Женя коротко, без прикрас, но точно и полно ответила на все вопросы. Она знала, что таким людям надо знать все; таким людям придется направлять тысячи; таким людям придется и умирать; такие люди будут и побеждать.

* *
*

Ударов шел обратно на завод, чувствуя себя как будто слегка охмелевшим. Даже сердце его билось учащеннее. Так отчетливо, ясно работал мозг; все казалось простым, понятным, увязывалось в одно целое. Он видел, как в назревающих событиях интересы рабочих одного завода связываются с интересами рабочих других заводов, других районов и городов, как переплетаются эти интересы с интересами армии, а дальше — крестьянства.

«Да ведь это действительно как перед бурей, — думал Ударов. — Выходит, что ненависть к буржуазии, всколыхнув одного рабочего, передалась другому, третьему, целому заводу, целому городу, целой стране, подняла силы и энергию всего пролетариата в целом, и эта все увеличивающаяся лавина готова сейчас обрушиться на голову капитала. — Э-эх! Скорей бы!!..»

2. НАКАНУНЕ ВОССТАНИЯ.

Домашние дела Ударова становились все хуже. Дров так и не купили. У сынишки оказалось воспаление легких. Жена совсем с ног сбилась. Не спит по ночам, — ухаживает за ребенком. Кашлять начала. Вчера на ужин был пустой суп и жареный картофель на искусственном сале. На завтрак, вместо бутерброда, Ударов взял с собой лишь небольшой кусок сухого черного хлеба.

Жена не упрекала его, только спросила:

— А сегодня придешь ночевать? Тогда я не запру внизу дверь.

— Не знаю, мать, — ответил Ударов, — лучше запри.

— Хорошо, я тогда позову ночевать Нюшу, а то Сережа стонет, боязно...

— Ладно, милая, до-свиданья.

* * *

За эти дни настроение рабочих еще более поднялось и сделалось совсем боевым. Мало кто теперь думал и говорил о работе, о производстве. Да и работали как-то машинально, по инерции. На политические события все реагировали бурно, активно. Не разговаривали, а спорили, не рассуждали, а пререкались.

Шумные митинги самопроизвольно возникали повсюду: на заводах, в полках, на улицах, в очередях, в каждой случайно столпившейся кучке людей, — всюду, где сталкивались хотя бы двое несогласных во взглядах на текущие злобы дня.

Ударов ехал в трамвае в город. Проезжая по Выборгской стороне, он видел и слышал, как спорят рабочие. Вот один, потрясая утренней газетой, кричит:

— Какое тебе еще большинство?.. Вот Путиловский тоже против правительства. А у нас: Розенкранц, Феникс, Парвиайнен — все, как один, за Советы. Да, Металлический — и тот раскачался...

— Погоди, есть еще Москва, деревня...

— Да брось ты, пожалуйста. А там-то кто? Не такие же, что ли, как мы?..

— А офицеры, армия?.. — не унимался другой.

— Фу, ты! В армии-то мало рабочих, что ли? Офицеров скрутим. Я не говорю, что это легко...

Кругом слушали, вставляли свои замечания, и все считали этот спор общим, все думали только об этом. Все этим жили.

* *
*

Перевалили Литейный мост. Проехали одну — две остановки. Другая публика наполнила трамвай. Вот элегантный офицер звякнул шпорами, прося разрешения сесть рядом с дамой. Вот какой-то

инженер. Вот еще молодой, изящный человек в котелке. Дальше — торгаш какой-то.

Ударов прижался в угол и наблюдал. Ему особенно претила рожа офицера, — типичная и неприятная рожа тылового офицера, сражающегося «до победного конца». Да и инженер был не лучше.

— Пардон, — произнес офицер, — обращаясь к молодому человеку, который вынул из кармана и начал читать «Речь».

— Заговор большевиков?

— Да, — ответил тот, — и чего только правительство ждет?

— Разве это правительство? — громче заговорил офицер, — тряпка, а не правительство. Большевистскую сволочь, — пардон, — обернулся офицер к даме, а та одобрительно блеснула подведенными глазами, — надо скрутить безжалостно, иначе это хамье наделает делов.

«Вот оно, — подумал Ударов, — они тоже на взводе, и «сволочи» слышатся не только в очередях».

— Что правительство? А мы где? Большевики организуются, становятся все сильнее, а мы только ноем, — возразил инженер. — Вот они послали контроль в Штаб Округа; ведь это пощечина, плевок в лицо, и никто не ответил как следует!

— Гм, гм, — смутился офицер, — но и это зависит от правительства.

— Бросьте. Ну, а история с выводом гарнизона? Ведь тоже большевики не допустили.

В это время трамвай остановился у Невского, и офицер вышел. В трамвай же вошла масса народу — все из «чистой» публики.

— Вы правильно сказали, господин, — подхватил разговор торгаш, а остальные с интересом повернулись к ним, — согласия нет против большевиков, и они пользуются этим. У большевиков нет ни стыда, ни совести, — продажные души...

— Не судите по себе, — не выдержал Ударов.

— Вот, вот, — закричал торгаш, — я давно смотрю на тебя: большевик, сразу видно!

— Они что, — презрительно бросил инженер в сторону Ударова, — темнота, стихия, это только оружие в руках Ленина.

Ударов чувствовал, что нужно молчать, но не мог сдержаться, внутренно он весь дрожал.

— Быть может, и оружие,—только верное.

— Угрожайте,—завизжала дама,— бунтовщики! В участок таких надо отправлять!

— Смущать народ стали открыто, — заметил один из вновь вошедших.

— Интересно узнать, не дезертир ли этот молодец?.. — послышался явно провокационный вопрос.

— Правильно, там кровь проливают, а они здесь на немцев работают, — уже кричал торгаш.

— Мы-то не работаем, а вы мародерствуете. — Ударов стал плохо владеть собой.

— Как мародерствуем? За эти слова морду бить надо... — наступал торгаш.

— Выбросить его из трамвая!

— Хулиган!

— Предатель! — неистовствовали пассажиры.

— Да, выйдите-ка вон, — солидно сказал инженер, — вы не умеете себя вести.

— А вы мне на другой билет денег дадите? — ехидно спросил Ударов.

— Ах, сволочь, еще разговаривать, — схватил Ударова за шиворот один из пассажиров и сильно толкнул к двери.

— Так его!! — загудел почти весь вагон.

Ударова сбросили бы на-ходу, если бы не вагоновожатый, который, как оказалось, следил все время за спором и во-время затормозил вагон. Обернувшись к публике, он крикнул:

— Тише, вы, там. А то не повезу...

В этот момент Ударов сошел. Злоба кипела в нем, он чувствовал себя кровно оскорбленным, он весь дрожал.

* * *

...Целый день Ударов не мог успокоиться. В таком настроении он пришел и на районное собрание. Народу уже собралось много, и Ударова сразу окружили рабочие Невского завода.

— Ты-то за восстание?—спросил его Григорьев.

— Я — да, и, думаю, вся наша ячейка...

— Вы, товарищи, с какого завода?—обратился к ним какой-то рабочий. — А-а! Это хорошо! У нас на Парвпайнене тоже все за восстание. На Фениксе также и на Эриксоне, наверняка. Иначе и быть не может.

— Нет, товарищи, это надо обсудить.

Ударов был изумлен: это говорил тот самый молодой оратор, который так поднял весь их завод.

— Что вы, товарищ? — не выдержал он.

— Серьезный вопрос. Подготовиться надо.

Раздался звонок, и все бросились на места.

Как ни старались рабочие стесниться и как ни устраивались где только возможно было, многие все же остались стоять. Пришедшие позже заполнили проходы до самых дверей. Потом пришлось открыть другую дверь в коридор, который тоже быстро заполнился.

Многие рабочие пришли прямо с работы в своих засаленных пиджаках и куртках. В собрании становилось тесно и душно.

Докладчик, не слишком красноречиво, слегка заикаясь, но последовательно и глубоко, обосновывал позицию большинства Цека и Пека.

В комнате воцарилась полная тишина. Не было слышно ни малейшего шороха.

Слушали все чутко, настороженно.

— Революция сейчас в опасности, — размеренно говорил оратор. — Мы должны перейти в наступление. Надежда на мирное развитие — недопустимое заблуждение. Быть против выступления, это — предательство по отношению к рабочему классу. Рабочий класс не простит нам нашей нерешительности и малодушия. Рабочий класс рвется в бой; не повести его теперь, значит — отдать его на растерзание бонапартисту Керенскому и его генералам.

— Есть еще другое течение в нашей организации; товарищи требуют предварительного накопления сил. Это тоже неверная и вредная позиция. Надо же знать, что в бою решающее значение имеет удачно выбранный для удара момент. А сейчас момент самый подходящий.

Докладчик приводит цифры, выясняющие количество членов в организациях, — партийной, профсоюзных, экономических (завкомы), — говорит о размерах наших сил. И опять цифры, цифры. Говорит дальше о прошедших выборах в московские районные думы. Приводит данные о настроении деревни в нашу пользу. Потом перечисляет части гарнизона, стоящие за Советы, приводит несколько фактов, свидетельствующих о настроении в армии.

— Армия требует, чтобы партия перешла в наступление теперь же. Мы выступим с требованием мира. Вся армия, все солдаты поддержат нас, никому не удастся их направить

против Советской власти. Мы, дальше, требуем, — и добьемся этого, — чтобы земли помещичьи, монастырские и казенные немедленно были переданы крестьянам. Кто же из крестьян пойдет против нас?.. Для рабочих мы требуем национализации банков, введения всеобщей трудовой повинности, образования продовольственных комитетов, конфискации в пользу рабочего населения всех продовольственных запасов. Мы введем рабочий контроль над производством. Скажите, разве это не поведет за нами большинство пролетариата?.. Разве это не обезоружит всех эс-эров и меньшевиков?

— Я уже не говорю о таких наших требованиях, как опубликование тайных договоров. Не говорю и о том, что мы зовем свергнуть власть буржуазии и установить диктатуру пролетариата. Не говорю я об этом потому, что силу, обаяние и популярность этих лозунгов мы все знаем прекрасно...

— Значит ли это, что мы гарантируем нашу полную победу? Нет, конечно! Но ведь на то мы и революционеры — большевики, а не слякоть меньшевистская. Мы говорим: на основании трезвого подсчета наших сил, имеются все данные рассчитывать на победу. Мы имеем право призвать пролетариат к борьбе. Мы должны выступить, должны броситься в бой.

Собрание дружным сочувствием ответило докладчику и не по-митинговому, а серьезно аплодировало.

Выступил молодой, знакомый уже нам оратор. Пылко и горячо он говорил в пользу восстания, говорил о необходимости взять власть в свои руки.

— Но такой шаг, товарищи, — продолжал он, — надо сделать, все взвесив, все учтя и подготовившись, как следует. Надо, чтобы наши боевые ряды были построены по-боевому. Надо размахнуться со всего плеча, чтобы удар наш оказался для буржуазии смертельным. А вполне ли мы готовы? Да, настроение у рабочих боевое. Да, все рвутся в бой. Но весь ли пролетариат организован? Я думаю, — еще нет, и к большей сплоченности, к большей организованности я вас призываю.

С убийственною отповедью этому оратору выступил другой товарищ, молодой лицом, но с седою, как у старика, головою.

— Товарищ запутался, — отчеканивал он, — если он считает, что выступать необходимо, что силы есть, что настроение боевое, так чего же ему еще нужно? Организуйтесь! — говорит он, — а кто же думает, что можно итти в бой, не сорганизовав своих рядов? Но нельзя же требовать какой-то отвлеченной организованности. Вы никогда не дождетесь, чтобы вам сказали: «теперь все готово; мы организованы на столько-то пудов или на столько-то аршин».

В зале раздался смех.

— Товарищ говорил искренно, горячо. Но каковы были его конкретные требования — мы так и не узнали. Мой совет товарищу — еще подумать и решить окончательно: идет ли он с нами или переходит к тем, кто против восстания. Болтаться между двумя позициями недостойно большевика...

Выступило еще три человека, и все возражали молодому оратору, а он сидел, глубоко задумавшись, и все смотрел на собравшихся.

Председательствовавший поставил на голосование вопросы:

— Кто за восстание?

Поднялся лес рук.

— Кто против восстания?

Таковых не оказалось.

— Кто за восстание в постановке Пека и Цека?

Снова лес рук.

— Кто за восстание в постановке товарища?

Поднялось лишь несколько рук.

Буря аплодисментов. Крики: «Да здравствует власть Советов! Да здравствует Революция!!».

Вставай, проклятьем заклейменный
Весь мир насилья и рабов...

дружно, мощно понеслось из тысячи уст. Вырвалось сразу, как из одной груди.

Это есть наш последний,
Решительный бой...

не пели, а точно клятву давали, собравшиеся коммунары.

* * *

Ударов пробрался к Дяде и спросил:

— Ну, теперь решено окончательно, начнем действовать?

— Нет, нет, завтра заходи вечером в райком, оттуда пойдем в Смольный; там будет заседание фракции Совета, совместно с ответственными работниками Питера. Вот где будет бой-то!..

— Так когда же кончатся разговоры?

— Всему свое время...

Собрание медленно расходилось. Столпившись кучками, товарищи продолжали обсуждать вопросы дня. Говорили об оружии, о захвате полицейских участков, о возможности привлечения к делу расквартированных близ Питера казаков.

— Казаков оставим в покое. Куда с нами пойдешь?

— Как в покое? Извини, пожалуйста. Там много наших. Даром, что ли, мы два месяца работали?..

— Работали?..

— Ну да. Мы, брат, придумали такую штуку. Не хотят казаки с нами разговаривать, не берут

наших газет, да и баста. Тут мы к дивчатам. Захороводьте, говорим, хотя бы парочку казаков и проникните через них в казарму. Дивчаты согласились. Шуры-муры, а сами им — насчет правительства, о том, что рабочие их братья, а генералы с офицерами — враги. Ребята стали колебаться. Потом взяли газеты. Потом затащили меня к себе на собрание, — и пошло, а теперь на все пойдут.

— Здорово! — смеялись кругом.

— А дивчата-то не... оказачились?.. сострил кто-то.

— Брось ерундить. Разве ты не знаешь Нюрки? а она была за главную.

— А-а!

На улице темно. Идет снег, смешанный с дождем. Сыро, холодно, но никто этого не замечает. Идут бодрые, разговаривают громко. Слышится смех, и так всем радостно, хорошо на душе.

— Нет, Ваня, я завтра же пойду в отряд, — говорил молодой парень. Ты видел мой карабин? Я его сегодня прочищу, патроны положу в сумку и во всеоружии явлюсь на завод.

— Чудак, погоди, я вот схожу к матке, — я ведь у нее спрятал свои «апельсины» [1]), достану себе и винтовку, и мы вместе запишемся.

---

[1]) Круглые бомбы.

— Запишись завтра без оружия; может быть, винтовку тебе дадут и у нас...

— Верно, идет...

* * *

У заводских ворот, в углу двора, с улицы не видном, Ударов встретил красногвардейца.

— Ты что здесь делаешь?

— На охране, — улыбаясь, ответил парень и шопотом добавил: — У нас теперь, товарищ Ударов, оружие все вытащено из ямы, да вдруг нагрянут.

— «Значит, началось», — радостно подумал Ударов.

В комнате завкома — неописуемый хаос. Столы сдвинуты. Всюду ящики, солома. Гора винтовок, пулемет, патронные ленты, несколько шашек, сабель, даже флотский кортик, патроны, гранаты, штыки, — и чего, чего только здесь не навалено.

Ударов остановился в изумлении на пороге.

— Ты, Петька, — не говорил, а командовал Григорьев, — протирай винтовки да смазывай погуще затворы, а то ведь проржавели. А ты, Егорыч, чего стоишь? Твое дело — гранаты.

— Григорьев! Что у тебя здесь?.. — радостно крикнул Ударов.

— А, пришел! Откопали, брат, ящики, а то много поржавело.

— Не рано ли? — улыбаясь, продолжал Ударов.

— Да мы только... переберем и смажем,— подмигнул Григорьев.

Необычный вид заводского коридора и комнаты завкома, заваленных грудами оружия, как это ни странно, нисколько не удивлял приходивших в завком рабочих. Только все больше и больше их записывалось в Красную Гвардию. Впрочем, и завком работал как-то по-иному; текущие дела были брошены, заседание не состоялось. Завком больше походил теперь на штаб армии, чем на мирную рабочую организацию.

В обеденный перерыв в завком зашел один максималист. Поздоровавшись, он спросил, где Ударов.

— Бегает по мастерским, наверное, — ответил секретарь.

— Так. Может быть, ты скажешь, к чему это вы готовитесь? — максималист кивнул в сторону оружия.

— Ни к чему. Просто разобрали то, что оставалось еще с февраля.

— Я серьезно спрашиваю. Ты что, не знаешь меня, что ли? — обиделся рабочий.

В это время вошел Ударов, сильно взволнованный; увидев максималиста, он сразу же взял себя в руки и спокойно поздоровался.

— Здорово, — ответил тот, — я пришел узнать, что вы предполагаете делать? Наша группа обсу-

ждала положение и решила войти с большевиками в блок. Что вы нам предложите?

— Ничего, дорогой, кроме места в Красной Гвардии, и то при непременном условии, что ваши ребята будут беспрекословно подчиняться нашим указаниям.

— А место в завкоме?

— Нет. Ты входишь в наш Питерский Комитет; через него сговаривайся с нашими центрами, а на местах никаких блоков, — только в одну шеренгу.

— Ладно, не будем спорить, я так и проведу. А когда начинать будете?

— Может быть, и завтра, может быть, через неделю.

— Идет. Я буду сегодня в Смольном и поговорю с вашими комитетчиками — они разговорчивее, — засмеялся максималист.

Максималист ушел. Ударов взволнованно заходил по комнате. В таком состоянии его и застал Григорьев.

— Ты чего кипятишься?

— А ну их к... матери, — крепко выругался Ударов. — Пошел к директору просить соседнюю комнату, а он, скотина, издевается: «для штаба, что ли? С оружием в одной тесно?». Говорю: это вас не касается, — нужна вторая комната. Отвечает: — «нам она для... дела нужна»...

— Давай экспроприируем, — по-революционному! — перебил Григорьев.

— Нельзя, чорт возьми, ждать надо; а в одной комнате работать тоже нельзя. Э-эх!..

— Мудришь ты, Алексей... Зря...

— А ты горячишься. Вот что, я скоро уйду в райком. Приду ночевать сюда, но только поздно. Ты оставайся тоже здесь и попроси кого-нибудь забежать по пути ко мне домой и... узнать, что с... мальчонкой? Сделаешь? Ну, прощай, и смотри в оба.

* * *

Дядю Ударов встретил на лестнице.

— Куда?

— Бегу в харчевню поесть чего-нибудь. Ты обедал? Бежим вместе.

Не столовая, а — «живопырка»; грязно, душно, тесно, пахнет скверными щами и чем-то едким.

За едой разговорились.

— Ты ведь еще до войны в партию вступил? — начал Дядя, — где работал? С кем?

— Да, до войны. Обошел в Питере, кажись, все заводы. А что тебя не видно было?

— Я был в Москве и угодил на каторгу; раньше в Питере работал. Как только грянула революция, махнул сюда. Лучше Питера, брат, нет места. Я скитался по всей России, а нигде таких рабочих, как в Питере, не встречал.

— Скажи, ты Ленина близко знаешь? Каков он с глазу на глаз?

— Знаю... Как это тебе сказать, уж очень он велик и... прост. Видишь его на заседании и чувствуешь, что нет ему равного; говорит так, что ничем не опровергнешь, а из себя он ничего не корчит, виду не подает, что он глава Цека, и все перед ним, ну — что дети. Вот кончится заседание, подойдешь, — а чаще сам тебя подзовет, — расскажешь, как дела в районе, спросишь о том, что тебе неясно. Он все тебе объяснит. Если не согласен с ним, выскажешь свое мнение, слушает так, как мы друг друга... внимательнее даже: не перебьет, не оборвет.

— Кто из вождей будет сегодня на собрании? — спросил Ударов.

— Многие придут. Знаешь, не хорошо все-таки, что мало у нас вожаков из рабочих. Конечно, все наши руководители из интеллигенции преданы беззаветно, умные люди, а вот, поди же ты, сдают, колеблются в трудные моменты. Нервы, что ли, у них слабоваты, или сердца мягкие, или характер уж такой, а сдают, не решаются...

— Погоди, а сам-то ты разве рабочий?

— Нет, я так, середка на половинку, поэтому я так и говорю, понятно мне это. Тебе этого так не понять. У настоящего, малообразованного рабочего есть какая-то внутренняя робость перед интел-

лигентом; он его считает выше, лучше себя. К интеллигенту, который отдал себя борьбе за интересы рабочего класса, такое отношение у рабочего особенно сильно.

— Не знаю, я этого не замечал.

— Ну, и хорошо, — засмеялся Дядя.

— Да сколько здесь надо заплатить-то? У меня денег нет.

— Такую-то сумму найду...

— Ну, давай, зайдем на полчасика в райком, а оттуда прямо в Смольный, — добавил Дядя, поднимаясь из-за стола.

* * *

Хорош Петроград в звездную, ясную ночь. На небе мерцают тысячи звезд, в Неве отражаются огни набережной. Ярко сияют фонари Дворцового моста. Хорошо...

— Ударыч, посмотри, как красиво, — тихо проговорил Дядя, когда они вышли на середину Литейного моста; — только вот тишина эта портит впечатление.

— Как тишина? — не понял Ударов.

— Да слишком спокойно, мирно; если бы сюда шум, бурю, движение...

— Тогда уже не то будет, — перебил Ударов.

— Гм, верно. Ну, прибавим шагу.

* * *

У Смольного, несмотря на поздний час, большое движение. Все окна колоссального здания освещены. За оградой несколько машин, кучки солдат, привязаны оседланные лошади, в подъезде — волна входящих и выходящих людей. Такое же оживление и в огромном коридоре нижнего этажа: здесь сотни людей, движение еще больше; что-то вносят, перетаскивают с места на место; под тяжелыми сводами коридора стоит сплошной гул.

Дядя идет вперед быстрой походкой бывавшего здесь человека. Вот он взялся за ручку двери, ведущей в комнату № 4. Быстро открыл ее, и Ударов увидел большую белую комнату, в которой собралось уже около трехсот человек. Стулья, диваны, окна — все было занято; и даже в проходах, на полу, расположились люди. Две, высоко, под самым потолком подвешенные, сильные электрические лампы освещали комнату, а белизна голых стен делала этот свет еще ярче.

Дядя сразу протолкнулся вперед, к столику президиума, а Ударов остановился, неловко прислонившись к стене. Он несколько растерялся и решил слушать, не продвигаясь дальше.

— И ты здесь, Ударов! Послушай, послушай! — окликнул его молодой оратор.

— Беда, что я никого здесь не знаю, — ответил Ударов.

— Ничего, давай устроимся рядом, и я тебе все расскажу.

Устроились на полу, недалеко от столика президиума, и сосед стал называть Ударову присутствующих.

— Ну, этого ты знаешь — Володарский. Он тоже колебался, как и я; не знаю, как он думает сегодня; я-то уже решил и считаю, что, действительно, надо действовать немедленно.

Ударов посмотрел на молодое, очень бледное лицо Володарского и заметил, что он, разговаривая с кем-то, страшно волнуется; на щеках его выступили розовые пятна, глаза поблескивали сквозь очки, движения худых плеч и рук были порывисты.

«Вот этот человек переживает события, а не только разумом подходит к ним», — подумал Ударов.

— А тот старик, это — Рязанов, — продолжал сосед Ударова; — он против восстания и, вероятно, будет выступать. Дальше, за столом, в грязной гимнастерке — Лашевич. Энергия же у этого человека! Боевик. Он за восстание.

— А это кто? — спросил Ударов.

— Тот высокий, что ли? Это Чудновский; он против восстания, но, говорят, убежденный революционер [1]).

[1]) Тов. Чудновский, действительно, оказался одним из героев Октября. Под Гатчиной он был ранен, но оставался в строю. Погиб Чудновский позднее, на юге.

Зазвонил колокольчик. Председатель объявил собрание открытым и предоставил слово члену Цека партии.

К столику подошел высокого роста, очень худой человек, не то бритый, не то без растительности на лице. Слабым тенором, запинаясь, стал говорить докладчик.

Вначале все слушали внимательно. Ударов также старался не пропустить ни одного слова. Однако, вскоре он заметил, что оратор развивает те же положения, которые были высказаны докладчиком на районном собрании. Внимание Ударова рассеялось, и он начал приглядываться к публике.

Пробежав взглядом по близ сидящим, потом по более далеким, он заметил, насколько это собрание отличается от районного. Здесь были совсем другие люди. Там, в районе, все сидели тихо, все только слушали. Там все казались на одно лицо. А здесь... Люди не столько слушают ораторов, сколько следят за его речью. У многих в руках блок-ноты, что-то записывают, посылают записки. А какие выразительные лица! И все разные. В каждом есть что-то свое.

Ударов совсем перестал следить за словами докладчика и с интересом разглядывал присутствующих. Ему хотелось узнать биографию каждого из этих людей, роль каждого из них в партии. Он

вертелся на своем месте, поворачиваясь то в одну, то в другую сторону.

— Чего ты глазеешь? — спросил его сосед.

— Мне хочется всех разглядеть... Я не знаю, кто они?.. Что они делают? — шопотом ответил Ударов.

— Да здесь ведь костяк нашей организации. Мозг там, в Цека, а основа-то здесь, они-то и будут делать революцию.

— А сейчас что они делают?

— Здесь секретари райкомов, депутаты с заводов и из воинских частей, агитаторы, организаторы...

Внимание Ударова привлек военный, с погонами прапорщика, весь вид которого свидетельствовал о молодой энергии и смелости; как-то задорно вились его короткие волосы, голова была закинута назад, и сидел он легко, точно готов был вскочить по первому требованию. Шинель на нем была почти новая и складная, но нет и капельки лоска и изящества в нем. Быть может, это оттого, что лицо его было какое-то грубоватое.

Рядом с прапорщиком сидел слегка тучный старик, тоже в хорошем пальто, белом воротничке и галстуке, и все же он не казался барином. Ударов чувствовал, что это большой человек, что много ума и знаний таится под его высоким белым лбом, слегка морщившимся, когда он торопливо что-то отмечал в своей книжечке.

Дальше сидел рабочий лет 25 — 27. Одет он был плоховато, в синей рубахе, но с хорошо повязанным галстуком на шее. Лицо выбрито, волосы расчесаны. Курил хорошую папироску. Он ничего не записывал, глубоко о чем-то задумавшись.

Вдруг рабочий, на которого смотрел Ударов, встрепенулся. С мест послышались возгласы:

— Передергиваете!

— Нет, правильно, правильно...

Часть собрания зааплодировала.

В комнате сразу все задвигались, зашумели.

— Это что — ход с бубней [1])? — сострил Рязанов.

Кругом засмеялись.

— Можете выступить и опровергнуть, — повышенным тоном заговорил докладчик, — а мы утверждаем, что оттянуть партию назад, сорвать выступление, это значит — сыграть в руку врагам рабочего класса.

— Правильно! — опять крикнули несколько человек.

Теперь докладчик говорил горячо, критиковал то одно, то другое течение, а собрание волновалось, нервничало. В комнате началось движение, и председатель все чаще и чаще звонил, призывая к порядку.

---

[1]) Доклад делал товарищ по фамилии Бубнов

Завязались прения, горячие, страстные. Ударов никогда не слыхах ничего подобного. Оратор выступал за оратором. Их яркие речи пересыпались остротами, шутками, едкими словечками. С мест раздавались реплики. У стены, позади президиума, спорили уже выступившие ранее и еще только собиравшиеся выступать. Кругом кипело, как в котле.

«Вот как выковывается мысль, вот как выковывается единая воля»,—думал Ударов, и то кричал, то аплодировал вместе с другими.

Ораторы все более и более горячились, они уже не говорили, а кричали.

— Я заклинаю вас не делать этого шага,— вырвалось у очередного оратора.

— Что? Что?.. Ха-ха-ха!!.. Понеслось в ответ... — Ха-ха-ха!

Среди шума и смеха вырывались отдельные возгласы:

— Довольно! Хватит! Голосуйте!

— Я против прекращения прений. Нельзя...— доносилось с другой стороны.

— Ну, дать ему слово и прекратить прения. Довольно!

И снова шум, и снова выкрики, и снова аудитория забурлила, как кипящий котел.

Кончили. Началось голосование. За выступление поднялся лес рук. А у столика президиума

еще громче заспорили. Увлеченный спором, Дядя не двигался с места.

— Ты идешь, что ли? — дернул его за рукав Ударов.

— Погоди, здесь очень интересно; спрашивают товарищей, пойдут они с нами или не примут участия в восстании.

— И что же?

— А вот, слушай.

— ... Тут не может быть двух мнений, — горячился тот, который высказывался раньше против немедленного восстания. — Раз партия окончательно решила, что теперь надо действовать, мы будем в первых же рядах.

— Товарищи! Минутку внимания! Тише!.. — закричал, надрываясь, только что вбежавший в комнату человек.

Шум затих, все обернулись в сторону вошедшего.

— Тише! Сейчас получено известие, что правительство приказало развести мосты. Оно переходит в наступление. Нельзя терять ни одной минуты. Надо захватить мосты в свои руки... Все по своим районам, немедленно...

— Постой, а директивы-то какие?! — загудели кругом,

— Тише!..

— Надо объединить наши действия! — раздались голоса,

— Тише!..

— Как же мы разойдемся без указаний?

— Да тише же! Тише! Пусть останутся по одному от каждого района. Директивы получат в Пека. Здесь нельзя ничего решать. Все по местам!

Говоривший спрыгнул со стула. С минуту еще продолжался шум, затем все сразу двинулись к дверям. Ударов также ринулся к выходу, кого-то толкнул, толкнули и его.

* * *

На улице он нагнал своего соседа; тот тоже спешил в свой район.

Пошли вместе, молча, лишь изредка перекидываясь короткими фразами. Каждый отдался своим мыслям. Хотелось предугадать исход сегодняшней ночи. Хотелось представить себе, что даст завтрашний день.

Вот Литейный проспект. Не сговариваясь, оба оглянулись в сторону Невского и вопросительно посмотрели друг на друга.

— Странно, — проговорил Ударов.

— Хорошо-о! — ответил другой. — Город спит. Правительство еще ничего не сделало, а через час уже будет поздно. А-ах! Чорт возьми! Через час мы всех поднимем на ноги.

— Вот именно! Летим скорей, — почти крикнул Ударов.

Город спал. По улицам кое-где мелькали запоздалые прохожие. Шел мелкий снежок, и никто не подозревал, что восстание уже началось. Керенский в это время закатывал в Совете Республики очередную истерику, метал словесные громы и молнии на головы большевиков. Город спал. Но не спали люди, решившие штурмом взять крепость врагов своих и сейчас пробиравшиеся по темным улицам в рабочие кварталы. Не спали и другие, отмечавшие в эту ночь на карте города пункты, которые надо было захватить немедленно, в которых нужно было выставить свои посты.

Не спал и еще один человек, который спешил явиться утром в Смольный.

Город спал. Снежок падал и падал. Слегка морозило... Было тихо, тихо...

3. ВОССТАНИЕ.

— Ванька! Возьми еще патронов,—кричал молодой рабочий.

— Хватит. Не бойся. Две ленты полны!

— Почем знать? Перекинь еще через одно плечо.

— Эй, пошевеливайся, молодежь! — раздался голос старшего. — Живо у меня.

Застучали приклады винтовок. Затопала тяжелая обувь, и все выскочили на улицу.

Погода дрянь. Сыро. А народу тысячи. Одни куда-то торопятся. Другие глазеют, как строится отряд. Громыхают грузовики с вооруженными людьми и с пулеметами. Проскочил легковой автомобиль, переполненный красногвардейцами с винтовками на прицел.

Сампсониевский проспект никогда не видал еще такого движения. Февраль и июль казались пустяками в сравнении с тем, что делалось теперь. А главное, у всех в руках оружие.

— Стройся! — раздалась команда.

Отряд выглядел чудно́. Всевозможные костюмы, разнокалиберное вооружение... И люди все разные. Тут и бородач, серьезный, сосредоточенный, молча, стоит и лишь изредка оглядывается на уличное движение. А рядом — юнец. Улыбка так и не сходит с его безусого лица, то и дело перекидывается словечками с соседями. Тут же и молодая работница с красным крестом на рукаве и с сумкой медикаментов за плечами.

Старшо́й—молодчина! Росто́м высокий. В короткой куртке. На поясе наган, а за поясом две гранаты. Бегает, шумит, кричит во всю глотку. Мальчишки и бабы на тротуаре галдят.

— Петька, смотри, дядя Григорьев—главным,— звенит серебристый голосок.

— А дядя Максим, — видишь? шалью по пиджаку обмотался, — суетится другой мальчишка.

Красногвардейцы.

— Да-а, а Ванькин отец, с бородой-то, — трещит совсем маленький.

... — Смирна-а... Шагом-арш!..

Пошли. Среди женщин кто-то зарыдал, причитая:

— Ой! родненький! Ой!

— Не плачь, мать, — таких не убьют, — орлы.

— Где там — орлы, — подхватила другая женщина, — и идут-то, что розвальни.

— Зато драться будут здорово!

— Буду-ут?.. Там-то — юнкерья.

Вид имел отряд, действительно, неказистый. Один держит винтовку на плече, у другого она как-то свисает. Одни молчат, другие разговаривают. А главное, одежда: кто в пальто, кто в куртке, кто в кепке, кто в фуражке, иные в шапках.

Но вот, кто-то затянул песню. Другие подхватили. Все как-то подбодрились, шаг стал ровней, и сразу, силой, удалью, бодростью повеяло от отряда. С тротуаров закричали: «У-ра-а!». Замахали руками, шапками. Мальчишки побежали вслед.

* * *

Ударов бежал в районный штаб. Пальто нараспашку, фуражка на затылке, за поясом тоже торчит наган, и его невзрачная фигурка казалась как будто крупнее, заметнее, чем обычно.

У них на заводе все обстояло прекрасно. Отряд, оказалось, вышел лучше, чем на других заводах. Он-то и пошел к Зимнему. Н-цы забрали в свои руки все кругом. Ударова же райком назначил в ревком. Туда-то он и бежал.

Из ворот завода Эриксона также вышел отряд. Мимо прогремел вооруженный грузовик с грозным плакатом: «Смерть капиталу».

Народ кругом шумел, кричал. У кооперативной лавки что-то разгружали и из толпы слышались возгласы:

— Так и надо. Все захватывайте и везите сюда, а то они, черти, налопались до-отвалу...

— Надо бы пощупать их квартиры...

— А если грабить начнут?

— Кто начнет, того на месте!

Ревком и Штаб устроились в бывшем трактире. Здание двух-этажное, грязное. Около него народу мало: на соседних улицах стоят патрули и туда без дела никого не пропускают.

— Так и надо, — подумал Ударов, — по-военному.

Ударову все казалось превосходным. Шум улицы радовал его. Вид вооруженных людей поднимал его настроение. Мелочей, единичных недочетов он не замечал. Часовой у входа в дом сначала строго спросил его: — «Вам куда?» — А потом, когда Ударов просто ответил: — «В Ревком», — и часо-

вой, не спросив даже документов, пропустил его. Ударов и не заметил, что так нельзя, что так может пройти всякий, кого пропускать не следует.

* * *

Ударов поднялся по деревянной, скрипучей лестнице во второй этаж. Прямо перед ним, в большом зале, где в целости сохранился не только буфет, но даже и трактирные чайники, и посуда в нем, бивуаком расположились красногвардейцы. солдаты и даже виднелись два-три матроса в своих черных бушлатах и шапках с ленточками.

Люди говорили, шумели, возились с оружием, кто-то объяснял, как следует обращаться с пулеметом. Тут же вскрывались запаянные коробки с патронами и набивались ленты. В дальнем углу несколько человек спало прямо на полу, и ни шум, ни движение не могли их разбудить, — так они были утомлены.

Из зала, направо, дверь вела в комнату Ревкома. Комната была маленькая, — видимо, бывший отдельный кабинет, — грязная, с ободранными обоями, а народу в комнате набилось несколько десятков человек. Разобрать, о чем говорили, — было невозможно. Нельзя было также понять, что все они тут делают.

Ударов решил осмотреть все помещения. Он вышел обратно в зал и направился в другую ком-

нату, налево, — в Штаб. В этой большой комнате сидело всего три человека. Они о чём-то спорили над полуразорванной картой города.

— Здорово! Вот куда забрались!

— Здорово! Ты где же запропал? — скороговоркой обратился к Ударову маленького роста товарищ. — Тебя наметили по организации милиции; быстро набирай себе ребят, гони их забирать участки и ставь туда надежных людей.

— Да действуй быстрее, — добавил другой, курчавый, пожилой рабочий в кожаной куртке. — Можешь устроиться в том углу, тащи столик и начинай.

* *
*

Ударов, как был в пальто, так и принялся за работу. Когда он тащил из зала столик, ему предложил свои услуги какой-то молодой парень. Он же помог Ударову установить стол, и, уходя, спросил:

— А вы что будете делать?

— Займусь сейчас милицейскими участками.

— Может, я вам могу помочь?

— Поможешь? А ты кто такой?

— Юров, — сын старика Юрова.

— Ба-а! Давай, брат. Как же ты вырос, совсем молодец!

Работа закипела. Разослали вооруженных ребят по всем участкам узнать, что там делается. Распо-

рядились, чтобы комиссары милиции явились сюда. Наметили обходы. Распределили дежурства.

Ударов быстро вошел в курс дела, разобрался и в делах всего Штаба. Оказалось, что Штаб выделен Ревкомом, в составе пяти лиц. Он держит связь со Смольным. Оружием уже запаслись и теперь формируют отряд за отрядом и шлют их к Зимнему, где положение, кажется, трудное. Район же весь уже в наших руках, всюду расставлены наши заставы и патрули. Из «Крестов» освобождены свои. Правда, в суматохе сбежали многие уголовные, но их ищут.

— Надо будет, — предложил курчавый рабочий, — к вечеру организовать аресты ненадежного элемента, вооружить побольше народа и держать наготове рабочих...

— Давайте тогда, — благо, есть свободная минута, — соберем весь Ревком, — предложил Ударов.

— Это дело, — согласились все.

* * *

Собралось человек десять. Старик Юров, Ударов, маленького роста рабочий, по фамилии Соколов, тот, курчавый рабочий — Уткин, остальных Ударов не знал. Председательствовал Юров. Он толково, несмотря на сутолоку, вел заседание и, хотя каждую минуту в комнату врывались товарищи

с разными донесениями. Юров не терял нити, и Ревком быстро решал один вопрос за другим.

Протокола не писали. Тут же распределялись роли, давались поручения. Но вот застряли на вопросе об организации питания.

— Так мы завтра всех оставим голодными,— ругался сутулый рабочий с большим носом. — Разве можно всех без разбору прокормить в столовых?

— А по-твоему делать выбор? По карточкам, что ли, кормить? — перебил Соколов. — Революция захватывает уже широкие массы...

— Да хлеб-то с неба и в революцию не сваливается, — злился первый.

— Ты дальше своей Управы ничего не видишь...

— А ты кроме митингов нигде не бывал,— ну и молчи.

— К порядку! — вмешался Юров.

— Нельзя же так, — горячился Соколов, — он, может быть, Красную Гвардию вздумает кормить по карточкам.

— Замолчи же ты, чорт тебя побери! Конечно, Иван прав...

Распахнулась дверь, и влетел Дядя.

— У меня внеочередное сообщение. Здесь все свои. Нас затирает у Зимнего. Нужно собрать как можно больше людей и послать туда.

— Погоди, Дядя, — перебил Юров. — Я предлагаю покончить сначала с нашим вопросом. Давайте изберем продовольственный комитет, Ивана назначим председателем; пусть он сейчас же с ребятами обмозгует это дело, а ты, Дядя, доложи нам, что делается в городе и в Смольном? Мы с обеда не имеем сведений. Согласны? Так. Ну еще что? Довольно галдеть! Кончено.

— Шурка! Закрой двери и не пускай никого. Кто там ломится? — крикнул Юров сыну.

— В городе хорошо. Все районы в наших руках. Идут массовые аресты. Но правительство засело в Зимнем и не согласно сдаваться.

Дядя понизил голос:

— Мы думаем обстрелять дворец из артиллерии. Нам нужно его взять как можно скорее...

— А как гарнизон?

— Что делается в Москве?

— Есть ли продовольствие?

— Где Ленин?

— Как на фронте?

— В гавани ли корабли?

— Нельзя же всем сразу. Гарнизон полностью с нами, броневики уже орудуют, только юнкера не сдаются. В Москве ребята мешкают, но сегодня должны выступить. Ленин в Смольном. О фронте не слышно.

— Как с продовольствием?

На посту у комнаты Ленина. (В Смольном.)

— На железной дороге реквизировали больше тридцати вагонов, да еще две баржи, — эти дни проживем.

— Моряки-то как?

— Моряки с нами и уже наступают на Зимний.

— Ну ладно, — крикнул Юров, — давайте решать, что делать.

В двери застучали прикладом. Кто-то из зала кричал и ругался.

— Нам некогда ждать. Откройте!!

Ввалились пять человек с винтовками за плечами и между ними — маленький, щупленький человек в пенснэ.

— Мы требуем, чтоб к стенке его! Он, сволочь, расклеивал меньшевистскую листовку! — ругались красногвардейцы.

— Где вы его взяли? — спросил Юров.

— У Финляндского вокзала. Не взяли, а отбили у толпы, которая его хотела избить, — ответил один из патруля, повидимому, старшой.

— И зря ты его привел! Раз на месте преступления — к стенке!

— Тише! Продолжайте, товарищ!

— Я считаю, что самосудов быть не должно. Скажите, что делать?

— Стойте, да это же Давыдов!? — вырвалось у Ударова. — Достукался! Это меньшевик из нашей больничной кассы. Его нельзя трогать, ребята.

Дурак! Ты с ума сошел... — с горечью в голосе добавил Ударов.

Давыдов сразу оправился.

— Это вы с ума сошли.

— Вы думаете? — засмеялся Юров, — посмотрим, а пока что вам придется ради вашей же безопасности посидеть.

Не долго решал Ревком, что нужно сделать для посылки еще отрядов к Зимнему. Через четверть часа почти все люди из зала ушли туда. Из ворот более крупных заводов также выступили вооруженные отряды.

* * *

Ночь была темная. На улицах тихо, костры патрулей яркими пятнами светились на углах, и только резкие выстрелы, то поодиночке, то залпами раздавались со стороны города, нарушая тишину.

Борьба шла. Уже ничто не могло ее остановить. Жребий был брошен: победа — или поражение?!

* * *

В здании Ревкома сидел Иван с членами продовольственного комитета. Довольно спокойно разрабатывали они план продовольствования населения. В комнате Штаба Ударов с Шуркой что-то запи-

сывали. Соколова не было. Уткин с другими членами Штаба обсуждали, как проверять «ненадежный элемент».

Кто-то приоткрыл дверь, а потом высунулась голова соседа Ударова по квартире.

— Вот ты где, еле нашел. Здравствуй! Я с завода пошел было домой, да вспомнил, что не передал тебе о доме-то.

— А что там?

— Да хорошо. Сережке куда лучше, и Марья повеселела. Вот поесть было нечего, но я сегодня достал хлеба.— Бородатая физиономия рабочего расплылась в довольную улыбку.

— Где же ты достал?— засмеялся Ударов.

— На заводе. Дают на всех, я говорю, дайте и Лексею. И тебе, знаешь, дали две доли.

Рабочий сел, начал крутить махорку, и лицо его выражало полное удовлетворение.

— А как дела-то? Не провалим?

— Что ты?! Сегодня всех угомоним.

Сосед Ударова потянулся через стол за спичками и увидел несколько кусков сахару.

— Я возьму немножко... Сережке!— попросил он.

— Не-ет, на всех это и, видишь, мало, а нам всю ночь сидеть...

— Я два кусочка только...

* *

В комнату влетел, запыхавшись и страшно волнуясь, Соколов.

— Где ребята? Под Зимним не важно! Надо что-нибудь предпринять...

Шурка побежал в Ревком. Уткин подошел ближе. Вошли все и, не садясь, слушали.

— Говорю, — у Зимнего плохо. Юнкера и ударницы забаррикадировались. Все наши атаки отбиты. Много жертв. Наши первые отряды измотались...

— Я сейчас позвоню в Смольный. Погоди, — сказал Иван.

— Алло! Смольный? — Звонит опять. — Алло? Смольный? Комнату 47. Занято! Э-э-х! чорт возьми!

— Зачем тебе звонить?

— А что же, врозь всем действовать, что ли?

Опять звонит. «Алло!» Звонит «Алло!.. Кто говорит? Это из Выборского Района. Да, я. Как у Зимнего?.. Так... Хорошо... Ладно...»

Иван положил трубку. Секунды три помолчал и серьезно так сказал:

— Ударов, пойдем к Зимнему. Там, оказывается, сил много, да надо поднажать. Самим надо пойти. Ты — к своим ребятам, а я к своим...

— Что случилось? — вошел Юров. — А-а? — Так... Правильно, Иван.

— Папа, — обратился к Юрову Шурка, — я пойду с ними.

Старик чуть-чуть вздрогнул, посмотрел глубоким взглядом на сына, потом подошел к нему, провел рукой по его шевелюре и, улыбнувшись, ответил:

— Иди, сынок, ты, гляди, с меня ростом, не маленький, иди.

Шурка быстро вскинул на плечо карабин, через другое плечо перекинул ленту с патронами, поправил револьвер, застегнулся и, чуть повысив голос, бросил:

— До-свиданья!

Ударов взял винтовку и, молча, пошел к двери.

Иван, помедлив немного, пошел за ними.

Сосед Ударова стоял в стороне, прижавшись к стене. Как только все трое вышли, он выбежал, нагнал Ударова:

— Счастливо, Лексей. Марье я скажу,—в Штабе ты. А?..

— Да... да...

Ночная мгла поглотила ушедших. Старик Юров провел ладонью по лысеющей голове, присел на стул и начал говорить с Уткиным о делах.

* *
*

Ударов со спутниками не шли, а почти бежали. Вот они уже перешли Самсониевский мост, вышли на Дворянскую. Мимо мчались верховые, неслись вооруженные автомобили, а пальба со стороны города слышалась непрерывно. Несколько раз

патрули, точно вырастая из-под земли, грозно окликали их:

— Кто идет?

Чем дальше, тем сильнее они волновались. Ощущение борьбы стало явственным. Чувствовалось, что ночная темь скрывает насторожившиеся силы, что под ночным покровом тысячи людей сжимают в руках оружие и горят одним желанием — в самое сердце врага нанести смертельный удар.

Вот дворец Кшесинской. Здесь большое движение. Везут пулеметы, тяжело двигаются два броневика. Ровным строем идет небольшой отряд солдат. На сердце радостно. Мы сильны!..

Какое-то движение смутно, в темноте, замечается и у ворот Петропавловской крепости. Мы сильны!..

На Троицком мосту — большая застава. Пропустили после долгих расспросов. На Марсовом поле что-то вроде боевой линии. Вот мелькнули огоньки выстрелов. Еще... Перебежка.

Товарищи пошли, прижимаясь к Мраморному Дворцу. Спрашивают:

— Где здесь Выборгский отряд?

— Должно быть, около Капеллы. Им оттуда приказано наступать. Идите только по Мойке, здесь не пройдете, — предупреждают товарищи.

Залп выстрелов... Слышен визг пуль. Нагнувшись, перебегают к Павловским казармам. Оружие с плеч сняли. Бегут с винтовками на-перевес.

Снова залп.

— Откуда это так беспорядочно стреляют? — тихо спросил Ударов.

— Я тоже смотрю. Плохо это. Порядка нет, — так же тихо ответил Иван.

Пробираться совсем трудно стало. Какой-то беспорядок кругом.

Ну вот и Мойка. Первый мост. Тоже охрана. Второй мост, — кто-то на нем устанавливает пулемет.

— К чему? Чудаки! — не выдержал Ударов.

— А если сделают высадку? — ответил красногвардеец.

— Брось! По своим ударишь. Где здесь выборжцы?

— Мы — выборжцы!

— Наконец-то... С какого завода?

— Парвиайнен.

— Н-вцы где?

— За тем углом. Только это место под обстрелом, смотрите.

— Ну, Ударов, — предложил Иван, — ты пробирайся к своим, я разыщу своих и буду следить за вами. Если броситесь в атаку, я из-за своего угла немедленно вслед за вами.

— Ударов, а я пойду с тобой, — попросил Шурка.

— Давай, давай.

* * *

Ударов и Шурка легли и, крадучись, поползли по грязной, холодной мостовой. Место, действительно, оказалось под обстрелом, но пули пролетали над головами. Ползут рядом, молча. Уж видят площадь и фасад Зимнего. Видят перед воротами дворца баррикады из дров, видят вспышки выстрелов из-под ограды дворцового сада, видят — двигаются цепью люди со стороны Александровского сада. Вдруг пули стали ударяться о мостовую впереди. Остановились. Жутко немножко. Инстинктивно пригибают голову. Ждут. Послышался звук пулемета из-под арки. Из дворца туда направили огонь. Ударов и Шурка быстро проскочили и оказались за углом.

— Стой! Кто идет? — послышался окрик.

— Свои... свои...

— Ударов, ты?—голос Григорьева.—Зачем?— А сам рад.

— Как дела? Потери, говорят, большие.

— Туго дела. Есть и потери. Сейчас ходили подкрепиться, обогрелись, можно будет ударить и еще разок. Кстати, видишь, у Адмиралтейства какое-то движенпе? Не наступают ли?

— Надо связаться, — советовал Ударов.

— Нет, и так видно. Ты, вот что, оставайся здесь, а я пойду на угол Миллионной, там тоже наши, и, как только от Адмиралтейства пойдут, выскакивай в атаку, я тоже, и ударим.

Ударов подумал, оглянулся кругом и ответил:

— Идет.

Люди приготовились к атаке. Зорко всматривались в движение у Адмиралтейства и ждали.

— У-ра-а-а! — загремело с угла Миллионной.

«Ра-а-но», — чуть не крикнул Ударов, но все же выскочил с Шуркой из-за угла, за ним остальные, и все бросились ко дворцу.

Посыпался ураганный огонь.

Кто-то застонал, кто-то крикнул от боли, кто-то рядом перевернулся, закорчился...

— Ребята, не отступать! Вперед! — крикнул Ударов. — Держись!..

— Держись! Вперед! — кричали со всех сторон. Устояли. Пули полетели выше. Смелее, вперебежку, рванулись вперед. Почти соединились с другой частью отряда. Из-под арки от Невского, из Александровского сада, от Адмиралтейства, затрещали пулеметы. Это еще более подбодрило и отвлекло огонь противника.

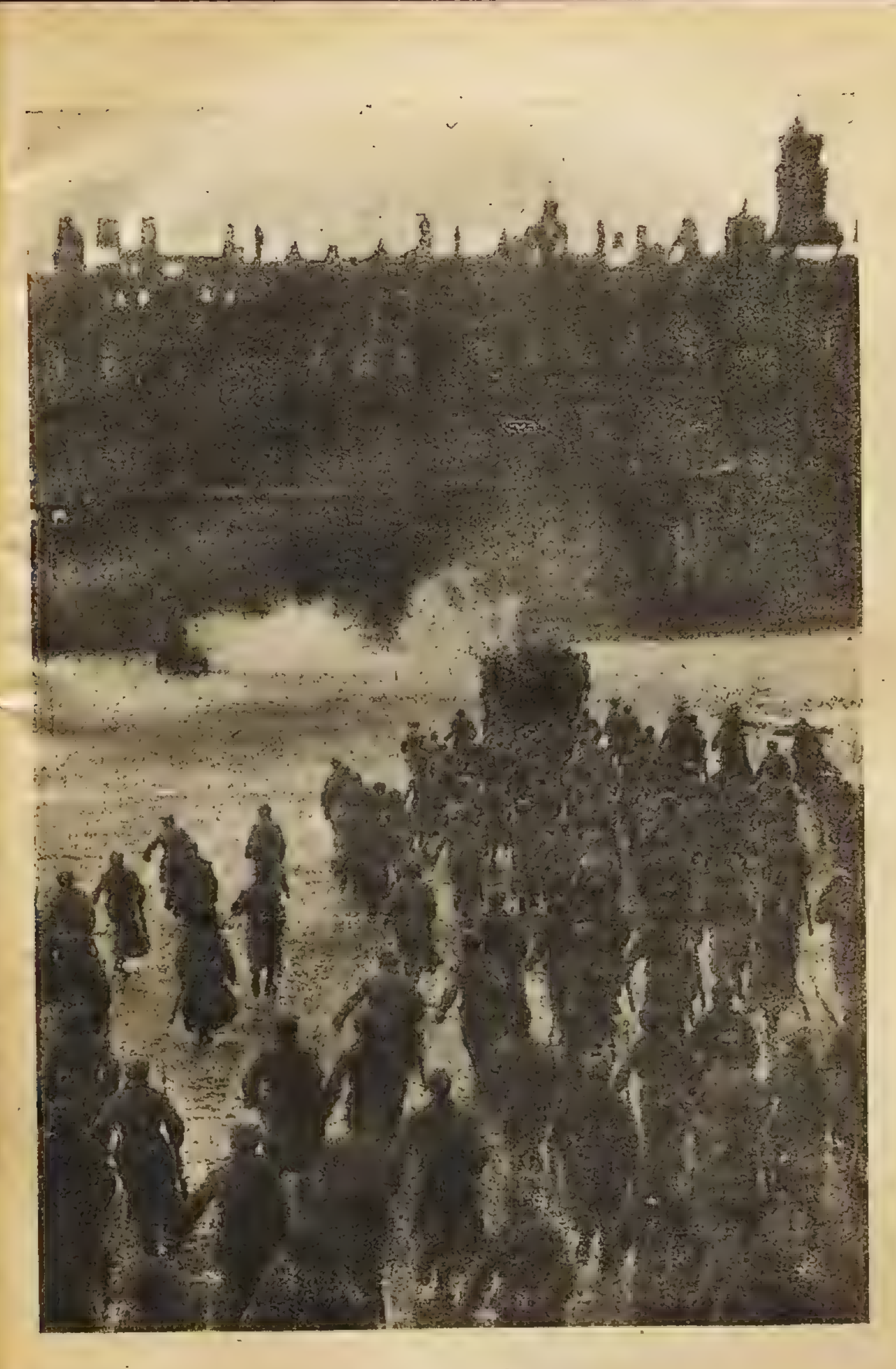
— У-ура-а! — загремело кругом. — У-ура-а!

Вот уже близко дрова, но тут метко наведенный огонь белогвардейцев скосил почти всю первую шеренгу.

Сразу все шарахнулись назад.

— Ложись. Не отступай. Хуже... — закричали из рядов.

— Ложись!..

Осада Зимнего Дворца.

Пулеметный и ружейный огонь косил наступающих, и целиться было некуда, — впереди дрова. Ударов чувствовал, вот-вот в панике побегут, а это будет гибель.

— Спокойно! Ложись, — кричал он.

Огонь юнкеров на минутку прервался. Потом опять перелёт. Ряды выровнялись.

— У-ра-а! — раздалось на другом углу площади.

— У-ура-а! — раздалось совсем близко.

Шурка неожиданно поднялся во весь рост и, что есть мочи, крикнул:

— За мной! За мной!

— У-ра-а! — раздался единодушный крик.

Ударов вскочил, но в эту минуту Шурка вскрикнул от боли, качнулся немного вперед, бросил винтовку, крепко ругнулся, выхватил револьвер, выстрелил, рванулся вперед и опять:

— За мной! За мной!

Вскочили все. Дружным натиском скинули дрова, выстрелили в упор в ворота, услышали оттуда стон, тут же присели, вновь выстрелили.

Ударов видел, что с двух сторон подошли товарищи, потом моряки. Сгрудились все вместе и... один, другой — раздались орудийные залпы.

Кто-то крикнул:

— Они выкинули белый флаг!..

— К чорту! Врывайся в здание...

* *
*

Красногвардейцы, участвовавшие во взятии Зимнего Дворца.

Уже рассвело, когда Ударов вернулся в Штаб. В Штабе уже знали о нашей победе. Все были радостны, ликование отражалось на всех лицах.

Ударов чувствовал тяжелую усталость. Промокшие ноги ныли. Он медленно поднялся по лестнице. Но едва только Ударов вошел в зал, едва только глянул он на вернувшихся с боя, — всю усталость как рукой сняло, и боль в ногах улетучилась.

— Ударов! Вот он, вот он! — повскакали красногвардейцы.

— Как Шурка?

— Давай, я вычищу твою винтовку.

— Погоди, скажи, как по-твоему, — Эриксоновцы разве хуже дрались?

— Потом, ребятушки, дайте пройти, а Шурка пошел на перевязку, ни-чего-о...

— У-ра-а! Ударов! — захлопали и закричали товарищи, когда он открыл дверь в комнату Штаба. — Чего ты запропал?

В комнате топилась печка, около печки на столе стоял большой чайник с чаем, товарищи сидели, поразвалившись, закусывали, курили, смеялись. Даже Иван чего-то хохотал.

Старик Юров выглядел как человек, только что успокоившийся после большого волнения. Лицо его светилось нескрываемой радостью. Он даже не выдержал и спросил:

— Шурка-то мой молодец, верно?

— Молодец!.. Горяч немного, прыток, но молодец. Я его сам проводил до Петропавловки, при мне его осмотрели. Пустяки, через пару дней хоть опять в бой посылай...

Юров налил Ударову чаю, усадил его, потеснившись, на диван — и стал опять слушать спор Уткина с Соколовым.

— Брось ты козырять энтузиазмом, солидарностью, — кипятился Уткин, — это тебе не демонстрация. Власть ведь берем, а кто и когда власть уступал без боя?

— Опять... Разве я не о том же говорю? Но буржуазия-то сгнила, меньшевики с эс-эрами развалились, а у нас — сила...

— Ты всегда преувеличиваешь, — сила! Сидишь себе на Выборгской в Питере, — погоди, когда в Москве, да на Украине ударят, тогда и кричи: наша взяла! Не люблю я твоей легкости.

— Ну, брат, и твой тяжелый подъем не лучше.

— Потяжелей — верней, — вставил Юров.

— Вы — одна компания.

— Добавь — теплая, — пошутила Женя.

— Пошли к чорту, — обиделся Соколов. — До взятия Зимнего тоже говорили: трудно... да как...

— Были и... такие, — послышалось ироническое замечание.

— Я-то...

— Ха-ха-ха! На воре шапка горит! Ха-ха-ха,— перебили смехом слова Соколова.

— Ладно! надо послать патрулей подсменить,— поднялся Уткин и, проходя мимо Соколова, громко шлепнул его по плечу:

— Хорошо-то и будет, брат,— хорошо, а давай ожидать худшего.

* * *

В дверях Уткин столкнулся с Дядей; за ним шел молодой оратор и еще двое товарищей...

— О-о-о! хоть заседание райкома открывай. Женя, председательствуй!— крикнул, входя, молодой рабочий.

— Долой власть! Будя, попили нашей кровушки!

— Ишь ты, в анархисты целишь, Иван,— засмеялась Женя.

— Стой! Серьезно, ребята, пусть-ка нам расскажут о Смольнинских делах,— предложил Ударов.

— Дело, — поддержал Юров. — Дядя, давай.

— Лучше уж я расскажу, а то Дядя сухо говорит,— похвастался молодой рабочий.

— Погоди балагурить,—сказала Женя,—давай, давай, Дядя.

— В общем все хорошо. Правительство арестовано. Керенский только куда-то сбежал, ну, чорт с ним. Город полностью в наших руках,

Мы сейчас нарочно прошли по главным улицам, везде патрули, заставы, костры горят...

— Ты нам про «внутренние» дела расскажи.

— Чего же вам? Ревком составлен окончательно. Левые эс-эры вошли, хотя проку от них нет, — болтают, дьяволы, много...

— А как наши «колеблющиеся»-то?

— Разно, но большинство участвует во всех делах; есть, кажется, и выжидающие.

— Подскипидарить надо, — бросил кто-то.

— Не мешай там. Ну, а потери большие?

— Есть потери, но так мало, что никто и не ожидал.

— Значит, всюду дружно ударили?

— Не везде, конечно. Например, на Телефонной станции так вышло: забрали ее, поставили свой караул. Приходят юнкера и говорят: мы смена. Наши сдали караул и пошли себе домой. Юнкера сейчас же выключили Смольный, районы, вызвали себе подкрепление и забаррикадировались... Скандал! Тогда Лашевич взял своих ребят — и туда. Темно, так, плохо видно, кто идет; он оставил отряд за воротами, а сам нахрапом, мимо часовых, прямо во двор. Слышит, защелкали затворы винтовок. Парень не растерялся и зычным своим голосом командует: «К но-о-ге!!». В эту же минуту весь отряд ворвался во двор, и взяли юнкеров без единого выстрела.

— Здорово!

С обстрелом Зимнего тоже получился курьёз. Послали людей в Петропавловскую крепость. Говорят: пальните парочку снарядов. Не можем, отвечают, — у нас допотопные пушки, только для салютов. Ну, тут «Аврора» выручила.

— Что слышно про Москву?

— Там, кажется, не важно; момент упущен, и дело пойдет труднее.

— Ленина видел?

— Как же! Чудной такой, бритый.

— А съезд открылся?

— Открылся. Пусть, правда, Витька об этом расскажет.

— Ну, давай ты, — закричали молодому рабочему.

— Говорил, — без меня не обойдетесь.

— Не треплись, рассказывай.

Под окном загудела машина. Уткин подошел к окну посмотреть, но в это время вошел один из членов Пека с пачкой газет, за ним втащили еще два тюка листовок.

— Здравствуйте! Вот это — вам, растащите по заводам.

— Ладно, а еще что? — спросила Женя.

— Завтра, хотя это уже сегодня, решено не работать и устроить повсюду митинги.

Крейсер «Аврора».

Так же быстро, как и пришел, товарищ вышел.

— Давай, Витька. Надо потом и отдохнуть немного.

— Я коротко скажу: много нам приходилось видеть таких вещей, о которых всю жизнь не забудешь, а съезд этот и дети наши запомнят. — Виктор произнес эти нескладные слова с такой неподдельною искренностью в тоне, что все внимательно посмотрели на него.

— Я забежал на заседание перед самым открытием. Пристроился у колонны. Смотрю, — в президиуме: Церетелли, Дан, Авксентьев, Богданов, Абрамович и много других эс-эров и меньшевиков; вид у всех их, что у собак побитых. А в зале, что в улье, когда его расшевелят палкой.

Дан открывает съезд и бормочет, что для съезда создали трудную обстановку, что работу нам приходится начинать в ненормальных условиях. Куда только делся его обычный апломб? Помятый такой, мямлит...

Выбирают президиум. Почти сплошь наши. Каменев занимает председательское место, а меньшевики и эс-эры гуськом, понуро покидают трибуну. Овации и крики такие, что вот-вот рухнут и колонны, и стены.

С внеочередным заявлением вылезает Мартов. Дребезжащим и хриплым своим голосом говорит он об ужасе происходящего, предлагает съезду,

прежде чем начать работу, вмешаться в события, прекратить дальнейшее кровопролитие и мирно ликвидировать кризис. От фракции большевиков выступает Луначарский и заявляет, что большевики не возражают против предложения Мартова и согласны создать комиссию, которая найдет, кто прав, кто виноват.

Съезд настораживается до последней степени. Все чувствуют, что наши противники к нам придираются, а найти зацепку не могут. Кто-то кричит: «Надо подойти к делу, нечего волынить!».

Но председатель все дает слово одному, другому, третьему — для всяких заявлений. Мы терпеливо ждем, выдерживаем спокойствие, но вот оно лопается.

Говорит Кучин от фронтовых комитетов, говорит об узурпаторах-большевиках, о защите родины.

«Долой-ой! — ревет съезд. — Кто его прислал? Долой! Долой!..»

На трибуну самовольно выскакивает какой-то фронтовик, чумазый, в рваной шинели.

«Комитетчикам легко так говорить, пусть попробуют они полежать в окопах...»

«Правильно! Правильно!..» — неистовствует съезд.

Я, кажется, слишком подробно рассказываю? — прервал себя Виктор.

— Хорошо! Хорошо!

— Так вот, терпенье лопнуло, а тут еще вылезает Авксентьев. Делегаты стали подниматься с мест, махать кулаками. Начали прямо угрожать. Каменев звонит, кричит, сорвал голос, — ни чорта не выходит! Говорят против большевиков — рев стоит. Говорят за — буря одобрения.

К концу эс-эр Гендельман истерически закричал: «Там обстреливают Зимний, погибают лучшие борцы за трудовой народ! Там Брешко-Брешковская. Кто предан революции, — пойдемте туда и грудью своей закроем наших товарищей!..»

Десятка два-три поднимается и идет к дверям; вслед им несутся, как удары плети, слова Троцкого:

«Восстание не нуждается в оправдании. Идите! Восставший пролетариат сомнет вас, жалкие людишки! Раздавит вас железной поступью своей. Отбросит вас в мусорную корзину истории...»

Троцкого сменяет представитель большевистской фракции гласных городской Думы:

«Мы, товарищи, пришли сюда, чтобы вместе с вами победить или умереть...»

— Съезд встает, как один человек, раздается смех вслед уходящему «Мало! мало!» — кричат делегаты.

Тут же разражаются бурные овации по адресу последних ораторов. Кричат: «У-ра-а! Да здравствует Власть Советов!» — Бросают вверх фуражки.

Рядом со мной какая-то интеллигентка и в ужасе лепечет:

«Что же это такое? Что же это такое?»

Вот, товарищи, как открылся Съезд, — закончил молодой рабочий.

— Да-а-а-а... — протянул Юров.

— Начало, братцы, хорошее, — громко сказал Ударов. — Подналяжем, — победим.

* * *

Наступило молчание. Каждый мысленно подытоживал результаты первого дня восстания. Мысли забегали вперед. Сердца всех, как одно большое сердце, бились вместе, бились учащенно. Никто больше не чувствовал усталости, а утро уж вступало в свои права. Нервами, всеми соками мозга своего, начали жить с этого дня эти люди. Без сна и отдыха, без счета времени принялись они за работу.

Женя тут же записывала, кому и откуда следует выступить через 3 часа. Юров уславливался с Иваном, на сколько человек, и в какой столовой заготовить обеды. Ударов с Уткиным намечали, как разделить посты между милицией и красногвардейцами. В соседнем зале слышались шаги и стук винтовок, — это сменялась охрана.

А сколько новых людей так встретило это утро?! А сколько новых людей так встретит следующую зарю?!

4. ПОБЕДА, ПОБЕДА.

— Милый мой,—бросилась Марья к Ударову.

— Папа, папа, а я сегодня гулял,—цеплялся Сережка за полы отцовского пиджака.

— Я знала, что ты был у Зимнего, знала,—горячо говорила Марья.

— Мы сегодня в гвардию играли,—тормошил мальчишка.

Долго, ласково и тепло здоровались с Ударовым жена и сынишка; он чувствовал себя хорошо, радостно.

— Ну, а как у тебя, мать, с едой-то теперь—а?

— Да хоть достать кой-что можно.

— Значит, Советская власть лучше?

— Не знаю я этого, Алексей; вот если бы работала опять на фабрике, так разобралась бы.

— Лучше будет, лучше. А разве хочется на фабрику?

— Еще бы, в такое-то время.

— Какое же это время?—засмеялся Ударов.

— Как же, такие, как ты, начальством становятся, легко теперь будет рабочему, не будет обиды.

— Вот я начальством буду, а ты на фабрику просишься,—не унимался Ударов.

Марья, оперпись подбородком на руку, задумчиво так посмотрела, как будто куда-то вдаль, и, точно про себя, тихо ответила:

— Ничего нам не нужно; как жили, так и будем жить, только был бы кусок хлеба, да Сережку вывести в люди...

* * *

Встал Ударов все-таки в семь часов — привычка. Из дому вышел так же рано, как и раньше выходил на работу. Трамвай не работал. Он пошел пешком.

Вот сегодня улица действительно живет. Вот сегодня действительно, как праздник. Патрули еще стоят, костры дымятся. И вооруженных людей не мало, а улица как будто не та, — не боевая, праздничная. И погода ясная, легкий, свежий морозец.

От того ли, что трамваи не ходят, или дома не сидится, — непрерывной лентой и не по тротуару, а по мостовой, идут и идут люди. Идут, громко разговаривая, громко делясь впечатлениями, некоторые как будто хвастаются чем-то.

Ближе к центру, к заводам, народу все больше и больше. Вид города все разительнее и разительнее отличается от прежнего. Полиции нет, чувствуется как-то вольней. Другая улица, да и только.

У ворот заводов развеваются красные флаги. На высокой трубе текстильной фабрики, на самом верху ее ухитрились также взгромоздить красный флаг.

«Другой город!

«Где же мещанство, где же буржуазия?— думал про себя Ударов,—припрятались, голубчики. Испугались. боятся, что их теперь начнут убивать; напрасно судите по себе! Уж на что преступно вел себя Давыдов, и того вчера решили выпустить».

* * *

Зашел Ударов на завод. Рабочие пришли поголовно все. В мастерской, где должен быть митинг, оживленно, шумно.

Подошел Григорьев и сказал:

— Гляди, брат, все рады, что свергли правительство. А как хорошо в газетах-то сказано, читал? «Временное правительство объявляется низложенным. Вся власть, в центре и на местах, переходит в руки Советов рабочих, солдатских, крестьянских и батрацких депутатов». Здорово!

— Да, здорово, и улицы другие стали.

— Ну, здесь еще что! Вот я живу на Песках, так когда шел на завод, прямо не узнал города. Никаких тебе бар не видать, а если и пройдет какой, то он так торопится, сукин сын, будто погоня за ним, по сторонам все оглядывается. К Смольному автомобили несутся, верховые скачут....

— А на службу-то разве не идут чинуши эти разные?

Охрана у входа в Смольный.

— Идут, да, я говорю, будто пуганые; одного я напугал совсем до смерти. Знаешь, там у Военной Академии есть церковушка, и вот один остановился и крестится.—«Нельзя теперь молиться»,— кричу ему,—он как бросится бежать... Ха, ха, ха!

— Нельзя же так.

— Я же пошутил.

— Зачем же ты туда попал, ведь живешь ты ближе к Николаевскому вокзалу?

Григорьев смутился.

— Пошел посмотреть на... Смольный. Не выдержал; чай, наше правительство там...

— И тебя впустили?—рассмеялся Ударов.

— Я около, зачем мне внутрь?

— И что же?

— Интересно,— оживился Григорьев.—Кругом охрана. Застав целых три и все большие. За оградой броневик. У подъезда стоят две пушки и даже зенитка одна. Народищу снует—уйма, и все оживлены, горячатся. На автомобилях привозят целыми пачками газеты, литературу. Интересно! Домище-то, большой, а кажется, все в нем заполнено народом.

Григорьев умолк, задумавшись, и потом добавил:

— Хочется мне попасть внутрь Смольного. На дежурство, скажем.

* * *

Поздний вечер, а работа в Ревкоме и Штабе идет полным ходом. В зале вооруженных людей не многим меньше, чем накануне. Приводят много арестованных. Кого-то угораздило притащить попа.

— Да за что ты его арестовал? — добивался Уткин.

— Поп он, — твердил красногвардеец.

— Хорошо. Сделал-то он что?

Поп стоит, до смерти перепуганный, а красногвардеец недоуменно молчит.

— Вы свободны, — обратился Уткин к священнику, — можете итти. А сам принялся разъяснять рабочему, что нельзя же арестовывать попа только за то, что он поп.

В Ревком ввалился человек, по виду типичный лавочник, грубо одетый, с бородой, пузатый.

— Я вам не буржуй какой-нибудь, — жаловался он, — я всегда с народом, а меня обчистили до нитки.

— Что же у вас взяли? — спросил Юров.

— Пудов сто муки белой, сахару пудов двадцать, крупы...

— Погодите. Вы магазин, что ли, имели, или так, сами торговали?

— Какой магазин! Всего два приказчика и три мальчишки...

— По-вашему мало?! — Не работайте чужими руками: своими, своими работайте, и тогда никто к вам не придерется.

К Ударову приходили со своими жалобами рабочие, всякие бедняки...

Вот рабочий заявляет, что в такой-то лавке упрятана мука.

— Забирай, ребята, только везите в кооператив.

— Хорошо.

— Воруют у нас, — говорит старик, — одних дров сколько растаскали, досок, а заикнешься, бывало, — грозят выжить; тебе, говорят, больше других надо.

— Завтра же скажи в Комитете, не бойся, теперь не выкинут, а похвалят.

— Притон у ней целый, девки гулящие и жульё каждую ночь собираются, — робко говорит работница, — а дворник их укрывает.

— Ничего, теперь не укроет; как адрес-то?

* * *

Совсем поздняя ночь. Ревком открывает заседание.

— Нам надо упорядочить свою работу, — говорит Юров, — распределить ее между комиссиями, да и помещение надо занять другое.

Поднимается Иван, вносит предложение: я с товарищами переберусь в Управу; члены Ревкома пусть разобьются по комиссиям и начинают работу, каждый в своей области, заняв помещения таких же

бывших учреждений. Ты, Юров, должен составить президиум и только руководить всеми.

Заспорили, кто же чем займется и в каких пределах. Рассуждали некоторые довольно наивно.

— Раз мне отдаете больницы, то и Красный Крест мой, — горячился один.

— Чудак! Больница одно, а Красный Крест — другое,—возражал Ударов.—Если воевать придется, больницы останутся, а отряд Красного Креста пойдет драться.

— Мои же патрули будут забирать арестованных, — заспорил потом Соколов, — а Уткин будет распоряжаться ими?

— И правильно,—настаивал Уткин,—надо же в каждом разобраться и потом решать, что с ним делать, ты, что ли, это будешь делать?

Решили найти новое помещение для Ревкома. Некоторым комиссиям предложили разъехаться по предназначенным для них домам. Выбрали президиум.

После заседания Юров подошел к Ударову и серьезно проговорил:

— Думали ли быть властью, а кажется, это не так уж и трудно.

* * *

Следующие два дня прошли в беспрерывной работе. С утра до вечера — толпа людей, с утра

до вечера — толкотня. Появились первые распоряжения правительства. Обнаружилась бешеная, звериная злоба буржуазии и мещанства.

Уткин был вне себя.

— Чего смотрят в Смольном! Читай, что пишут эти негодяи: «Временное правительство поступило геройски, объявило, что власть захватчикам не передаст».

— Доберутся и до буржуазии,—успокаивающе ответил Ударов.

— Доберутся! В Москве все еще идет борьба, про фронт не слышно, а мы в Питере терпим контр-революцию...

— Давай соберем райком.

— Правильно. Сейчас позвоню Жене.

Снова люди, снова сутолока, уйти из Ревкома невозможно. Только и перебросишься парой слов о новостях, если кто-нибудь забежит к тебе.

Ударов работал сосредоточенно, молча. За какой бы вопрос он ни принимался, он видел, что за этим тянутся еще десятки вопросов. Однако, в конце концов, Ударов стал улавливать общую связь всех дел между собой, начинал овладевать работой, различать отдельные детали, и все яснее чувствовал, что порученное ему дело он захватывает все шире и глубже.

* *
*

Члены Райкома собрались совсем поздно; решили, как всегда, начать с информации.

Говорила Женя.

— В Москве—самый разгар борьбы. Районы почти все в наших руках, но юнкера засели в Кремле. Кремль был в наших руках, да прозевали у ворот, и юнкера вошли в него, захватили наших товарищей, большинство расстреляли и теперь укрепились прочно. С фронта пока есть сообщение только о Северной армии. Там переворот произошел и образовался ревком.

— Как в городе?

— Тихо. Викжель дурака валяет, не хочет пропустить отряда моряков на помощь Москве. В комиссариатах служащие не хотят признавать наших «министров»,—саботаж начинается.

Зазвонил телефон. Подошел Уткин.

— Райком весь здесь... Когда придешь? Ладно, я скажу...

— Звонил Витька,—передал Уткин собранию,—говорит, что есть экстренное дело, чтобы товарищи не расходились.

Дело было действительно срочное. Виктор приехал на автомобиле, серьезный, как никогда.

— У меня целых два сообщения: во-первых, в городе восстание юнкеров. В Инженерном замке и во Владимирском училище юнкера образовали свои центры, арестовывают наших товарищей и

забирают туда. Во-вторых, Керенский ведет войска с фронта на Петроград. Какие у него силы—неизвестно. Но Гатчина им уже взята.

Все вытаращили глаза.

— Здорово,—свистнул Уткин.

— Я сидел в 47 комнате,—продолжал Виктор,—и вдруг входит Ленин и прямо на-ходу спрашивает: «Кто здесь из членов Пека?».

— Я, Владимир Ильич,—отвечаю,—дежурный.

«Можете сейчас же собрать хотя маленькое совещание?»

«Только, пожалуйста, быстро, я подожду»,—бросил так же скороговоркой мне вслед Ленин.

— Пять человек из членов Исполнительной Комиссии я разыскал через несколько минут. Ленин нас встретил в коридоре; видимо, он не усидел в Пека и затащил всех нас в первую попавшуюся комнату. В комнате,—только что вошли, не садясь,—Ленин говорит: «Керенский повел наступление на Питер; нужно сию же минуту организовать оборону. Надо немедленно начать рыть окопы за городом, возводить проволочные заграждения и ночью же взломать склады с лопатами, кирками, топорами, забрать всю колючую проволоку на заводах и все это бросить на позиции.

— Мы молчим, слушаем. Слуцкий вдруг заявляет: «Поздно сейчас, с утра все»... Ленин как-то резко повернулся в его сторону, пристально

взглянул на него и строго оборвал: «Вам спать надо пойти, спать. Вы бы, товарищи, приставили к нему пару красногвардейцев и заставили бы его выспаться. Разве в таком состоянии человек может работать»...

Получилось как-то неловко. Слуцкий замолчал. Начали прикидывать, как практически осуществить предложение Ленина. Сговорились, что сейчас же нужно разъехаться по районам и приняться за работу.

— А что, Ильич освирепел здорово? — спросила Женя.

— Нет. Уходя, он сам подошел к Слуцкому и тепло так проговорил: «Вы не обижайтесь, но вы же валитесь с ног, поспите часа 3—4, и вам и для дела польза. Нельзя же так»... А Слуцкий действительно ночи две не спал...

— Ладно, ладно, потом расскажешь, — перебил Юров, — дело надо делать. Я вот что предлагаю: ты, Ударов, иди на свой завод и к Эриксону, пару сот ребят сорганизуем и сейчас же... Да, Витька, а где окопы-то будут рыть?

— За Путиловым и около Обухова.

— Так. И сейчас же гони их сюда. Ты, Иван, забери ребяток и вскрой здешние скобяные лавки. Уткин пусть приведет все отряды в боевое состояние. Сам я с Женей свяжусь с кем следует и узнаю, в чье распоряжение посылать людей...

— Надо же приготовить и лошадей, подводы,— вставил Ударов.

— Конечно, грузовик с Парвиайнена вызовем, ломовых мобилизуем. Этим уж мы займемся.

— Правильно, пошли, — сказал, стукнув ладонью по столу, Иван, — айда!

— Крой, ребята! Я полетел на Васильевский, там ведь колючая проволока, — крикнул Виктор.

* * *

Ночь темная. Грязно. Не переставая, идет осенний дождь. Людей почти не видно. Патрули стоят, съежившись. Огни фонарей горят тускло. Мрачно, сыро, холодно на улице.

Ударов, шлепая по лужам, весь охваченный мыслями об обороне, все же чувствовал холод и сырость. В сердце его накипала жгучая злоба против контр-революции. Он теперь не шел, а почти бежал, чтобы созвать людей и скорее послать их против врагов.

* * *

На Эриксоне он застал всего человек восемьдесят, из которых не меньше половины несли охрану. Что делать? Ударов начал волноваться.

— Мало, — говорит он, — а люди нужны немедленно.

— Сейчас сбегаем на соседние заводы, там по десятку, по два наберем, — предложили ему.

— Хорошо, только скорее, ребята.

На Н-ском заводе набрали около ста человек и нескольких товарищей тоже разослали по соседям.

— Значит, будет больше двухсот, — прикидывал Ударов, — только бы не промешкаться, вот уж два часа прошло. Зайду еще сам к Рено.

Брезжил рассвет. Небо прояснилось. Дождь перестал. Ударов даже улыбнулся: «так-то оно лучше, копать окопы будет удобнее».

* * *

В Штабе работа кипела. Появился Шурка, чему Ударов очень обрадовался. В зале вновь было полно людей. Уткин, бледный от бессоницы, носился из одной комнаты в другую.

— Как дела? — спросил его Ударов.

— Звонили из Смольного, что юнкеров нужно ликвидировать до обеда, — горячка, брат!

— Может быть тебе помочь?

— Нет, ты лучше проверь, как с окопами; старик свалился, Ивана нет, как бы там не проворонили.

Уткин был прав, народ на рытье окопов был послан, были посланы лопаты и кирки, а теперь привалило еще человек пятьсот, ругаются, шумят.

— Чего вы нас здесь держите?

— А кто вас послал сюда? — спрашивает Ударов. — Теперь уже не нужно.

— С заводов послали.

Ударов догадался, что это получилось по его вине, ведь он же ругался на Эриксоне и Рено, что мало.

— Ладно, ребята, на рытье окопов больше не нужно, а кто хочет итти против Керенского — оставайся.

— Как же так? — послышалось несколько голосов, — мы шли на работы, воевать не выйдет.

— Я говорю, — кто хочет...

— Идем, чего там, — крикнул седой рабочий, — где тут взять оружие?..

— Сейчас, сейчас. Уткин! куда людей послать? — обрадовался Ударов.

— Каких людей? — не понял второпях Уткин.

— Этих всех.

— Здорово! Товарищи, вот хорошо! Выбирай старших и к Смольному.

— Давай, давай!

— Теперь дело в шляпе, — обратился он к Ударову, — как ты их съагитировал!

— Я и не агитировал, сами.

— Хорошо. Звони в Смольный, пусть там оденут и вооружат, сколько возможно.

Зашла Женя.

— Где найти Витьку? Надо его послать на Металлический, Шилин там бузит, а наши ребятки с ним не справляются.

— В Смольном наверно.

— Нет, спрашивала, я все утро его ищу, а там собрание начинается.

— А на завод звонили? — спросил Шурка.

— Вот не догадалась, сейчас позвоню.

Как ни билась Женя, Виктора так и не нашла, а собрание было действительно важное. Эс-эры на Металлическом были сильны с давних пор, и вообще Металлический завод как-то выделялся из ряда других своей политической слабостью.

* * *

Первым с вестями появился Иван.

— Был за Путиловым, окопы уже готовы. Еще до рассвета пришли первые партии рабочих, а работали... на царя так работать не могли...

— А Керенский?

— Да, кажется, Царское Село захватил и двигается к Пулкову.

— Что же наши-то спят?

— Ну, спят. Столько отрядов двигается туда, прямо настоящая война, потом корабли подошли к Морскому каналу, а у них такая артиллерия, что и до Пулкова достанут...

— Инженерный замок взят...—закричал Шурка.

— Откуда ты знаешь?—окликнул его Уткин.

— Папа там в зале говорит с ребятами.

— Пусть он сюда идет... а вот он и сам. Что?

— Инженерный взяли, с Владимирским туго, но туда стягивают все силы...

— Двигается дело...—бросил Уткин.—Ты, старик, побудь здесь, а я смахаю в Смольный.

* * *

Виктору кто-то передал, что он должен пойти на Металлический, и вот он там. Собрание происходит посреди двора и народу не меньше тысяч шести. Какую-то робость почувствовал Виктор, когда взобрался на трибуну. «Услышат ли все?» — подумал он.

Слышали все и слушали внимательно. Оратор почувствовал это, и в голосе его зазвучали уверенность, сила.

— На вашем заводе еще есть люди, которые враждебно относятся к событиям. Я спрашиваю их и требую, чтоб они ответили перед всем собранием,—чьи интересы защищают эс-эры и меньшевики? Рабочие, поголовно, сражаются под знаменами Советской власти. Контр-революция поголовно стоит против Советской власти. Сейчас вот идут бои под Царским и здесь у Владимирского училища бьются не на живот, а на смерть; с одной

стороны — юнкера, офицеры, генералы, с другой — рабочие. Кого же эс-эры предлагают поддерживать? Пусть не виляют молодчики, а выйдут сюда и скажут так же прямо, как мы говорим. А мы говорим: товарищи, поддержите рабочих, товарищи, раздавите контр-революцию!

Раздались бурные, долго не смолкавшие крики одобрения, и Виктор начал говорить еще с большим подъемом.

— Мы призвали рабочих к восстанию. Мы их ведем сейчас на смерть и победу и скажите, пожалуйста, у кого из вас рука поднимется нас осудить, кто из вас может оставаться безучастным? Шилины? Да ведь они пропащие люди, мертвецы они.

Опять аплодисменты.

— Все на борьбу. Долой эс-эровскую гниль. Смерть буржуазии! — закончил Виктор.

По собранию прошло движение. Оно заволновалось, зашумело, как единый живой организм. Кто-то просил слова, кто-то из толпы кричал: «позор эс-эрам!».

Виктор оставался на трибуне; возбуждение и подъем рабочих он сам переживал, и ему не хотелось уходить.

Выступил рабочий. На трибуну он вышел с винтовкой, отставил ее в сторону и начал пылко, горячо говорить:

— Через час мы отправимся под Гатчину. Без победы мы не вернемся.

Вслед за ним на трибуну взошла работница:

— Мы тоже идем — санитарками...

Когда Виктор пришел в Ревком, Женя набросилась на него:

— Где ты пропадаешь?..

— На Металлическом, — отвечает, а сам смеется.

— ?!

— Ну, да и здорово там, — начал подробно рассказывать Виктор.

* * *

— Владимирское тоже взяли, — вбежал Соколов. — Ну, чорт возьми, и туго было. Ни с какой стороны не подойдешь. Улицы узкие, пришлось пальнуть из трехдюймовок. Теперь, ребятки, я пойду на фронт.

— А может быть, и мне двинуться? — предложил Ударов.

— Нельзя, нельзя, — запротестовал Иван, — а здесь-то кто останется? Тут не менее важно.

— Правильно, — присоединилась Женя, — от районов могут еще потребовать силы; я даже советую тебе и Ивану до вечера немного поспать, а ночью опять быть на ногах.

* * *

Так уже входило в обычай, — поздним вечером в Ревком собирались ответственные работники и делились сведениями. А сегодня собрались еще и потому, что каждую минуту может потребоваться помощь на фронт.

Из арестованных карманников Уткин приспособил одного парнишку для услуг. Парень бегал за кипятком, за хлебом, прибирал комнаты Штаба, даже разносил пакеты и делал это все добросовестно и хорошо.

— Еще человек выйдет! — хвастался Уткин.

Пришла Женя и стала рассказывать про внутри-партийные дела. Все насторожились, — это был действительно волнующий вопрос.

— Сегодня Пека устроило собрание ответственных работников, разбирали все разногласия, а также и вопрос об отставке товарищей. Нервничали все страшно, возбуждение было прямо небывалое.

— Еще бы! — вставил кто-то.

— Большинство ребят ставили вопрос ребром: «или берите обратно отставку, или вон из партии», — говорили они, обращаясь к подавшим заявление об отставке. Один из членов пека, приехавший из Москвы, заплакал даже: «Во время боя, когда умирают наши товарищи, разве можно так ставить вопрос?!» — говорил он. — Ильич был здесь же. Весь напряженный, он тоже нервничал. Каким-то огрыз-

ком карандаша он торопливо записывал что-то на крохотном клочке бумажки и то прятал голову в плечи, то резко поворачивался в ту сторону, откуда говорил оратор. Потом Ленин сам взял слово, сощурился и, мне показалось, картавя больше обыкновенного, поддержал ультиматум.

— Молодец Ильич! — не выдержал Уткин.

— После горячих споров, собрание все же единогласно решило потребовать от оппозиции ясного ответа и покончить с колебаниями. Потом было заседание Цека, и, говорят, кризис ликвидирован.

Женя кончила рассказывать. Присутствующие довольно долго молчали, и, как бы про себя, Ударов тихо проговорил;

— Тяжелая штука... В такой момент... Хорошо, что в низах у нас железное единство.

— Ничего, ребята; это все-таки просто эпизод, вот увидите, как заработают те, кто колебался, — сказал Уткин, и все согласились.

— Что же в Москве? — спросил Юров.

— Плохо. Шли настоящие бои, артиллерия стреляла во-всю. Говорят, в Василия Блаженного закатили снаряд.

— Ну и чорт с ним, — выругался Иван.

— Ах ты, — засмеялся Юров, — а еще на Капри учился, и доклады делаешь об искусстве.

— Сегодня там, — продолжала Женя, — подписали какое-то перемирие. События затягиваются.

Заговорили о Москве. Некоторые были недовольны тамошними делами.

— Растяпа-Москва была и остается, — говорил Уткин, — не могли сразу ударить, а теперь расхлебывай.

— Нельзя судить за шестьсот верст, — возразил Ударов.

— Ты всегда найдешь отговорку. Организация там слаба, вот в чем горе.

Разговор затянулся далеко за полночь, большинство осталось спать в Ревкоме.

Ударов с Уткиным прилегли на одном диване, рядом с телефоном. Наступила тишина, только через стену доносился разговор в соседней комнате.

— Ты побудь завтра один, а я схожу в Смольный — хоть посмотреть, — сказал Ударов.

— Ладно, иди, только по дороге заверни к Надежде Константиновне, узнай, как дела в отряде Красного Креста, и не нужно ли ей чего в Смольном?

— Ладно.

* * *

Утром так и не мог Ударов освободиться. Получили сообщение, что на фронте нет теплых вещей и не хватает обуви. Потребовалось реквизировать что где можно, собирать у самих коммунистов. Работа оказалась нудной, кропотливой. А потом вдруг получилось сообщение, что грабят

винный погреб, пьяные буйствуют; пришлось выехать туда.

Мерзкая картина представилась Ударову на месте погрома. Мертвецки пьяные люди ломались, лезли пожимать руки...

— Я... и сам был у Зимнего, — привязывался один... я-а умру за революцию...

— ...П-порядка не-ет... вла...сть, так вашу мать... Ко-м-муния... — ругался другой.

А несколько человек валялись мертвецки пьяные.

И тут же какие-то юркие людишки расхватывали бутылки. Двое даже грузили вино на тележку.

— Разойдись! — закричал Ударов.

Народ шарахнулся — и только. Толпа все прибывала, раздались угрозы.

— Вам жалко, что ли? Убирайся, а то получишь бутылкой по башке, — галдели пьяные.

Ударов приказал растолкать толпу. Сначала подались, а потом снова сгрудились и стали нажимать на красногвардейцев. И тут еще один из ребят тоже схватил бутылку. Ударов почувствовал свое полное бессилие.

— Стрелять будем, — пригрозил он.

— Брось трепаться! — захохотали в толпе.

— Ребята, отходи! — скомандовал Ударов, — действительно давай стрелять, а ты, Федор, лети в Штаб, чтобы прислали еще людей, и скажи, чтобы пожарных выслали, — обдадим водой.

Дали залп в воздух, — сразу все шарахнулись. Дали еще, толпа побежала, ругаясь и угрожая. Красногвардейцы быстро осадили назад оставшихся и, с винтовками на-перевес, окружили погреб.

Пришел Иван.

— Надо разлить вино, иначе ничего не выйдет. Вот так ребятки! — Иван сразмаху начал бить бутылки прикладом.

Все принялись за работу. Открыли двери во двор и во дворе продолжали «избиение». Вина оказалось огромное количество. Пришлось направить его в колодезное отверстие. Устали.

— Вот не думал, что революция такую работу навалит, — вытирая пот, проговорил Ударов.

— Да, брат, я тоже предпочел бы иначе поступить с этим бутылочками, — засмеялся Иван.

— Ты что, сукин сын!.. — заорал Ударов на одного красногвардейца.

— Я — попробовать...

— Я тебе попробую, не хошь, — тут же на месте!!.

Добрались, наконец, до самого темного угла. Лежат два человека. Выволокли — мертвые.

* *
*

В Штабе — скверные вести с фронта. Убита Вера Слуцкая, ранен Чудновский, идут форменные бои.

Юров молчит. Уткин мрачен. Кругом уныние.

— А тут еще погромы, — сказал Иван. — Вот когда подходит критическая минута. Ты, Ударов, пойди-ка в Смольный и вечером возвращайся.

— Идет, только ты проверь, как дежурят люди по заводам. Ведь сегодня воскресенье, не разошлись бы.

— Чорт возьми, я и забыл... Сделаю...

* * *

Улица не жила, а бурлила. Толпы народа шли взад и вперед. Всюду носились чудовищные слухи. Хорошо одетых людей совсем не было видно. Буржуи опростились, их трудно было отличить в толпе.

— Я нарочно весь день на улице, — донесся до слуха Ударова разговор, — не так боязно. В квартире прислуга разбежалась, ворвется кто — убьет...

На углах целые собрания. На одном Ударов задержался и прислушался. Говорит какой-то солдат.

— ... Они же разбежались. Командир сидит в карцере...

Вопросы солдату сыпятся со всех сторон.

— А вы, голубчик, что же думаете делать? — спросила дамочка, одетая просто, но напудренная и с подведенными губами.

— До дому уедем...

Пронесся автомобиль, с него посыпались листовки, все, сшибая друг друга, побежали ловить.

— Еще дюжина декретов, — прошипел господин в очках.

Чем ближе к Невскому, тем толпа гуще, тем шумнее на улице, и тем больше встречается вооруженных людей.

— ... Расстреляют, мерзавцы; он, кажется, был в Петергофе... — опять долетел обрывок разговора до слуха Ударова. Ему стало противно; он свернул на Бассейную и быстро зашагал к Смольному.

— ... Всех заставим работать, пусть потрясут брюхом, а то... — разговаривали двое прохожих, которых Ударов обогнал.

* *
*

В Смольном — настоящий бивуак. За пропусками — огромнейшая очередь. Коридоры полны. Брядает оружие. Бегут, сталкиваются друг с другом. Волокут какие-то вещи. Вводят арестованных. Все по-походному.

Ударов зашел в комнату Штаба Красной Гвардии. Комната огромная и вся завалена оружием: винтовки, пулеметы, штыки, патроны и почему-то целая куча кортиков.

Тут же гимнастерки, шаровары, а также котелки, каски.

В комнате Пека — народу битком набито. Некоторые дремлют, другие читают, большинство же спорят, разговаривают.

— Это для связи, из райкома, — объяснил Виктор. — Одни приходят, другие уходят, и связь не прерывается. Ты не был в Ревкоме? Пойдем, покажу.

Ревком помещался на третьем этаже, в двух комнатах. Первая, в которую вошли товарищи, была огромная, перегороженная барьером, за который не пускали никого и за которым виднелась дверь во вторую. Там заседал президиум.

В большой комнате стояло столов двадцать. За всеми столами сидели и прямо-таки бешенно работали и штатские, и военные, и мужчины, и девушки. Шум в комнате стоял невозможный. Стучали машины, звонили телефоны, разговаривали, перебранивались.

— Тут чище, чем у нас, — заметил Ударов.

— Ну, ладно, бежим, некогда, а ты зайди в Актовый зал, там наверное заседание.

Из второй комнаты выбежало несколько человек, они проскользнули в коридор, чуть не сшибив с ног Ударова.

— Керенский отступает, — крикнул кто-то. Ударов инстинктивно бросился в коридор, нагнал выбежавших товарищей и — за ними. Товарищи направились к залу. По коридору неслось: — «Керенский разбит».

Все лавиной устремились в зал. Бежали по лестницам, некоторые выскакивали из смежных комнат, толкались, спрашивали: «Кто это сказал? Арестовали его-то?»

Актовый зал полон. Люди не сидят, а стоят. Лезут на что попало. Кричат. Шумят.

— Тише. Тише!!.

— Товарищи, получена телеграмма: — войска Керенского отступают. Царское нами уже взято, продвижение к Гатчине идет полным ходом.

— Ура-а! Ура-а! — заорали, захлопали все.

Закричали совершенно оглушительно. Ударов, не замечая этого, сам орал что есть мочи. Виктор рядом — тоже...

Овации и крики продолжались несколько минут: они то смолкали, то раздавались с новой силой; наконец, все затихло.

Товарищ начал докладывать, как это произошло, как дрались красногвардейцы и моряки.

— Не цепью наступали, а прямо шли во весь рост, бесстрашно.

— ... До новых сведений, предлагаю не расходиться, — кричит председатель.

— Мы и так не разойдемся, — отвечают с мест.

— Я побегу в район, не могу, — сказал Ударов.

* *
*

Сейчас Ударов не замечал улиц, да и шел он кратчайшим путем; здесь народу было мало и становилось уже темно. В Штаб он не вошел, а вбежал. В комнатах бурно радовались.

— Значит, уже слышали?

— Да, да, только сию минутку позвонили. Гатчина взята!

— Гатчина?

— Ну, да!

Ударов так и застыл на месте. «Гатчина», — произнес он как-то машинально.

— Значит, победа?

— Победа, победа! — сразу ответил Уткин и Юров.

— Какого чорта Москва там, действительно, тянет, — ругнулся Юров.

* * *

Два дня прошло, пока вернулись рабочие с фронта.

Ревком в это время переезжал в новое помещение. Все эти дни прошли, как праздник.

Идет отряд по улице, все его приветствуют, из толпы кричат:

— Эй, Ваня, молодец же ты!

— Сынок, милый!

— Егор, иди ты домой, устал, чай.

Старик не выходит из рядов, идет дальше. На всех лицах гордость, радость.

Ударов с Уткиным смотрели из окна: улыбка не сходила с их лиц, глаза так и блестели.

— Вот она революция! Вот они — коммунары!

— С такими пролетариями весь мир одолеем!..

— Чего-то они останавливаются?.. Смотри, все бегут, еще и еще... — перебил Ударов. — Еще... Еще...

— Ну - ка, вниз! — ответил Уткин, хватая карабин.

На улице с тумбы кричал Виктор:

— Товарищи! Товарищи!

— Что он дурака валяет? — недовольным тоном бросил Ударов.

— Товарищи! Только что получена телеграмма: — в Москве власть перешла в руки Советов...

Не дали говорить, оборвали криками:

— Ура-а, у-ра!!.—закричали женщины, закричали дети, закричали мужчины, закричали красноармейцы, поднимая вверх винтовки.

У-ра-а!!

Останавливались прохожие, останавливались повозки, остановилась вся улица; неслись только крики: «У-ра-а!!».

— Да здравствует пролетарская революция!!.

— Да здравствует наша победа!

— Ура-а!!.

Виктор не сходил с тумбы, он что-то хотел сказать, а люди все кричали, восторг не уменьшался, шум не утихал.

Но вот, он поймал момент:

— Товарищи! В бою мы победили. Власть буржуазии уничтожили. Дни Октября кончились. Революция же наша только вырвалась из берегов, только освободилась. Пусть же она, как великан могучий, разгуляется на просторе...

Подошли Женя, Юров, Иван, а Виктор все говорил — о новых задачах, о новых трудностях, и все это было всем понятно, всем близко.

— Давай, пойдем демонстрацией! — крикнул кто-то.

— Давай! Давай! — подхватили все.

— Песню! Песню!..

И пошли, и запели. Народ присоединялся, пение усиливалось. Замелькали знамена. И чем дальше, тем больше! Из каждого завода, из каждой фабрики, из каждого дома выходили люди, строились, подхватывали песнь. И шли...

Широко и далеко разносилась победная песнь пролетариата. Победа!.. Победа!..

— Как красиво-то! Силы-то сколько! Да кто же этого не услышит? — горячо шептал сосед Ударова.

— Услышат, услышат! Вот соберут все крики победные вместе, соберут всю силу победившего

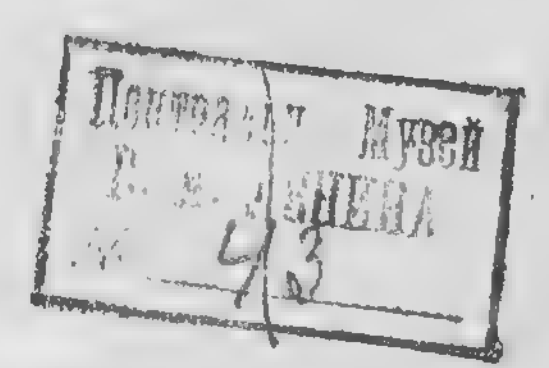
пролетариата и как опустят на голову буржуазии, — крышка ей.

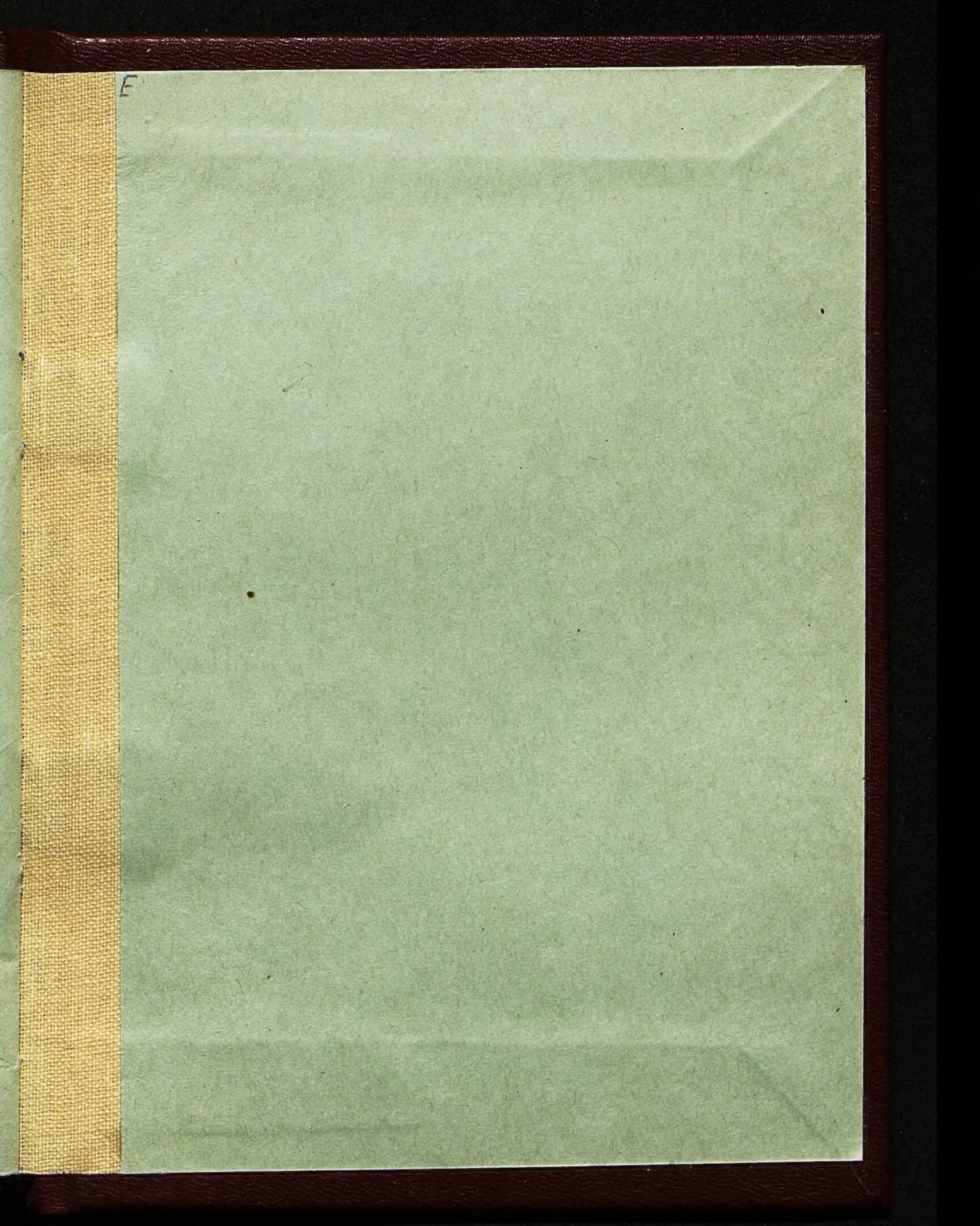
— На площадь! К вокзалу! — кричали демонстранты.

— Туда! Туда, там раздался первый призыв Ильича!.. Туда!!.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Цена 45 коп.

E